

Генрих Шлиман

**Илион. Город и страна
тroyанцев. Том 1**

«Центрполиграф»

Шлиман Г.

Илион. Город и страна троянцев. Том 1 / Г. Шлиман —
«Центрполиграф»,

Великая мечта, ставшая смыслом жизни, долгим и кружным путем вела Генриха Шлимана, немецкого коммерсанта, путешественника и прославившегося необыкновенными открытиями археолога-любителя, к легендарному Илиону. Ознакомившись с подробнейшим отчетом о раскопках, проведенных Шлиманом в толще холма Гиссарлык, Микенах и Тиринфе, не только специалисты-археологи, но и все интересующиеся историей смогут оценить вклад в мировую науку знаменитого энтузиаста, общепризнанного «дилетанта» и всемирно известного исследователя древнегреческих древностей, посвятившего более десяти лет поискам и раскопкам «града Приама». Особую ценность книге придает обширный иллюстративный материал и автобиография автора, сотворившего легенду о самом себе. Данная работа переведена на русский язык впервые, что делает это издание уникальным.

Содержание

Легенда о докторе Шлимане	5
Предисловие	16
Введение	23
§ I. Детство и коммерческая деятельность: с 1822 до 1866 года	23
§ II. Первые посещения Итаки, Пелопоннеса и Трои: 1868, 1870	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Генрих Шлиман

Илион. Город и страна троянцев

Том первый

Легенда о докторе Шлимане

Пожалуй, нет в истории науки более спорной и загадочной фигуры, чем Генрих Шлиман. Имя этого человека неразрывно связано с открытием легендарной Трои, хотя до сих пор среди историков не кончаются споры, что же раскопал Шлиман и какое отношение к гомеровской Трое имеет обнаруженное городище. В принципе такое положение, связанное с периодической ревизией достижений предшествующих исследователей, является нормой для науки. Уникальным представляется другой факт: со временем не иссякает интерес исследователей к автору раскопок Трои. То, что при жизни Шлимана о нем писали достаточно много, не в последнюю очередь объясняется тем, что он сам активно рекламировал свою личность. Но что же привлекает внимание к Шлиману современных специалистов? Что не дает им возможности успокоиться и сказать: мы знаем о нем уже практически все?

Во-первых, еще не все документы Шлимана введены в научный оборот. Шлиман как будто специально для будущих исследователей оставил огромный архив. В библиотеке Геннадия при Американском институте классической филологии в Афинах хранится более 60 тысяч писем, дневники и другие документы на немецком, английском, французском, греческом, русском и других языках. Во-вторых, соприкосновение с обстоятельствами жизни Шлимана не оставляет никого из исследователей равнодушным. Одни проникаются глубокой симпатией к действительно яркой личности Шлимана и в целом принимают на веру ту легенду, которую создал при жизни о себе сам Шлиман. Другие, находя в документах многочисленные противоречия этой легенде и ощущая внутреннее сопротивление, стремятся эту легенду опровергнуть.

Но в чем же суть «легенды о докторе Шлимане»?

Практически в каждом исследовании о Шлимане присутствует эпизод, восходящий к его собственному рассказу из «Автобиографии». Когда Генриху Шлиману было почти восемь лет, отец подарил ему на Рождество книгу Георга Людвиг Эррера «Всемирная история для детей». На одной из иллюстраций книги были изображены высокие стены горящей Трои и герой Эней, выносящий из города своего отца Анхиза. «Папа, – сказал маленький Генрих, – вероятно, Эррер видел Трою, иначе как бы он смог ее нарисовать?» – «Мой сын, – ответил отец, – это всего лишь выдуманная картинка». Тогда Генрих предположил: «Отец, но если у настоящей Трои были такие же мощные стены, как они изображены на рисунке, то они не могли исчезнуть бесследно и их развалины должны где-то сохраниться, несмотря на прошедшие столетия». И с этого момента мечта найти Трою стала основным смыслом жизни Генриха Шлимана. Ради этого он прошел все тяготы суровой юности, добился выдающегося материального достатка, упорно занимался самообразованием и стал ученым, заслуженно получившим докторскую степень, и наконец, соединив свои деньги и знания, осуществил цель всей жизни – нашел и раскопал легендарную Трою! Жизнь Шлимана – пример верности детской мечте, сам Шлиман – одна из самых романтических личностей XIX века!

Так ли это? И что же мы действительно знаем о жизни доктора Шлимана?

Генрих Шлиман родился 6 января 1822 года в маленьком немецком городке Нойбукове, близ Висмара, расположенного на территории тогдашнего Мекленбург-Шверинского герцогства, в семье местного протестантского священника Эрнеста Шлимана. Генрих был пятым

ребенком, а всего в их семье было девять детей (двое из них умерли в детстве). В 1823 году семья переселилась в Анкерсхаген, окруженный бесчисленными болотами и озерами, где в марте 1831 года в возрасте тридцати шести лет умерла мать Генриха – Луиза Тереза Софья, урожденная Бюргер.

Вскоре у Эрнеста Шлимана начались осложнения на службе, и он отослал детей к своим многочисленным родственникам. Генриха принял к себе его дядя Фридрих из Калькхорста. Сначала Генрих три месяца посещал гимназию в Ной-Штрелице, но потом, поскольку отец не смог оплачивать его обучение, был вынужден перейти в реальную школу. Надо отметить, что в школе Генрих явно не блистал успехами, даже в изучении языков, к которым, как оказалось позднее, он имел феноменальные способности.

В тринадцать лет детство Генриха окончилось. Он переехал в город Фюрстенберг и поступил на работу в качестве ученика приказчика в лавку Эрнеста Людвиг Хольца. Там он провел долгие пять с половиной лет, работая с пяти часов утра до одиннадцати вечера. Возможно, именно эти годы стали решающими в жизни Шлимана. Во-первых, он приобрел бесценный опыт торговли, который совершенствовал все последующие годы. Во-вторых, именно в это время перед Шлиманом встал важный вопрос: как строить свою дальнейшую жизнь. Либо смириться с теперешним образом жизни, со временем стать приказчиком, а если повезет, выгодно жениться, стать хозяином собственной лавочки и в конце концов превратиться в добропорядочного бюргера какого-либо небольшого немецкого городка. Либо постараться добиться большего и, прежде всего, стать материально независимым. Судя по всему, память о бедном, зависимом положении в годы отрочества долгое время была важнейшим стимулом его дальнейшей предпринимательской деятельности.

В девятнадцать лет он перебрался в Росток, где достаточно быстро освоил основы бухгалтерского дела, а также получил от отца причитающуюся ему долю материнского наследства – тридцать талеров. С этим багажом Шлиман отправился в Гамбург, где, как он верил, должна была начаться его успешная карьера. Однако поиски работы были безрезультатными, поэтому Шлиман с радостью принял предложение от одной фирмы отправиться в качестве ее представителя в городок Ла-Гуайра в Венесуэле.

28 ноября 1841 года судно «Доротея», на борту которого находился Шлиман, отплыло в Южную Америку. Через несколько дней корабль потерпел крушение у северных берегов Голландии. Спасшийся Шлиман оказался в госпитале, он больше не хочет продолжать путь в Америку, но и не желает возвращаться в Германию. Он будет жить в Амстердаме, в одном из крупнейших торговых городов Европы. Здесь он смог устроиться в торговую контору Квина. И именно в это время ему в голову приходит блестящая мысль: чтобы сделать карьеру в торговом деле, необходимо знать иностранные языки. Они могли дать ему преимущество при устройстве на работу в престижную фирму, имеющую активные контакты с зарубежными партнерами.

Действительно, в дальнейшем знание многих иностранных языков помогло Шлиману в общении с торговыми партнерами из разных стран, а также позволило быть в курсе всех событий, происходящих в мире, и вовремя принимать решения, связанные с коммерческой деятельностью. С помощью изобретенного им самим метода Шлиман за два с половиной года освоил голландский, английский и французский языки, а затем еще испанский, итальянский и португальский. Покинув контору Квина, в марте 1844 года Шлиман смог устроиться на работу бухгалтером в экспортно-импортную фирму «Шредер и К^о».

Поскольку данная фирма вела дела также и в России, Шлиман счел необходимым выучить русский язык. Именно это обстоятельство и привело двадцатичетырехлетнего Шлимана в январе 1846 года в Санкт-Петербург. Прибыл он в Россию в качестве поверенного фирмы «Шредер и К^о», но уже через год стал самостоятельным торговцем. 15 февраля 1847 года Шлиман был принят в российское подданство, а 19 февраля был записан во 2-ю купеческую гильдию (в 1854 году стал купцом 1-й гильдии).

Благодаря в основном успешной торговле индиго Шлиман к концу 40-х годов стал уже очень состоятельным человеком. Еще больше он увеличил свой капитал в Северной Америке, куда отправился в 1850 году, чтобы уладить дела своего умершего брата Людвиг. Полтора года он находился в Калифорнии, где как раз наступила эпоха «золотой лихорадки». Шлиман основал банк по операциям с золотом, который приносил значительную прибыль. В отличие от других участников «игр» с золотом он смог вовремя остановиться и в 1852 году вернулся в Россию. В следующем году началась Крымская война, и торговые операции Шлимана, особенно по снабжению русской армии необходимыми материалами, сделали его одним из самых богатых коммерсантов России. Причем следует заметить, что Шлиман добился этого результата прежде всего за счет колоссального трудолюбия, скрупулезного знания секретов торговли и жесткой манеры ведения дел. Конечно, Генриха Шлимана можно с полным правом назвать «человеком, который сделал себя сам», причем честным путем, поскольку в России в XIX веке еще даже не знали таких слов, как «ваучеризация» и «залоговые аукционы».

Создав прочную материальную базу своего существования, Шлиман решил обзавестись семьей. 12 октября 1852 года он вступил в брак с Екатериной Петровной Лыжиной, дочерью петербургского адвоката Петра Александровича Лыжина. Екатерина была на четыре года моложе Генриха, в свое время окончила очень престижную петербургскую Петришуле. Один ее брат, Николай, был историком, приват-доцентом Петербургского университета, другой, Павел, адвокатом. Екатерина была племянницей очень состоятельного купца 2-й гильдии Сергея Афанасьевича Живаго, который, как считают, и познакомил Шлимана со своей родственницей. В этом браке у Шлимана родились трое детей: в 1855 году – Сергей, в 1859 году – Наталья (умерла в 1869-м), в 1861 году – Надежда.

Однако в самый разгар своих коммерческих успехов Шлиман стал ощущать недостаточность, некую неполноценность своей жизни. Он знал, что может заработать еще много денег, но они теперь не приносили ему прежнего удовлетворения. Уже в 1853 году Шлиман писал, что выбранные профессия и условия жизни «погубят его как физически, так и морально». Он с упоением продолжал изучать языки и к концу 1856 года знал пятнадцать языков. В одном из писем Шлимана к своей тетке есть такие слова: «Моя непостижимая страсть к языкам, что мучит меня день и ночь и постоянно уговаривает уберечь свое достояние от превратностей торговли и... всецело посвятить себя наукам, ведет сейчас кровавый, беспощадный бой с двумя другими моими страстями: скупостью и жадностью – и, к сожалению, терпит поражение, а две последние победоносные страсти ежедневно увеличивают размах своих дел». В бумагах Шлимана того времени есть и такая фраза: «По моему внутреннему убеждению, истинное счастье не в деньгах, но в душевном покое и внутреннем самоудовлетворении...»

В начале 1856 года Шлиман начал учить новогреческий язык, а позже древнегреческий и латынь (знания которой в его школьные годы были признаны неудовлетворительными). Именно тогда он основательно познакомился с поэмами Гомера, которые были (и остаются поныне) основными текстами при изучении древнегреческого языка. В дальнейшем Шлиман мог цитировать на память огромные отрывки из «Илиады» и «Одиссеи». Его жена, Екатерина Шлиман, вероятно, не понимала смысла его занятий: «Мне кажется, Ты очень ошибаешься, если Ты думаешь, что будешь в состоянии заниматься наукой как ученый. К этому нужно рано привыкнуть» (письмо от 21 апреля 1856 года). В другом послании мужу спустя два года она писала: «Прощай, мой друг, будь здоров и не привози с собой Гомера, чтобы мы могли с Тобой побольше погулять».

Шлиман много раз совершал зарубежные поездки по коммерческим делам, но с ноября 1858 по июль 1859 года он отправился в путешествие с чисто познавательной целью. Проехав через ряд европейских стран, Шлиман прибыл в Египет (где начал изучать арабский язык), затем посетил Иерусалим, Петру, Бейрут, Дамаск и через Смирну в Малой Азии оказался в

Афинах. Дела заставили его вернуться в Петербург, но с тех пор перемены в жизни были только вопросом времени.

Шлиман ликвидировал свое торговое дело в Петербурге и 8 апреля 1864 года вышел из состава 1-й петербургской купеческой гильдии. В 1864 году Шлиман отправляется в кругосветное путешествие, которое продолжалось два года. За это время, выехав из Ахена, он посетил Тунис (где побродил по развалинам Карфагена), опять побывал в Египте, затем достиг Индии, объездил многие ее города и добрался до острова Цейлон и Гималайских гор. Из Индии через Сингапур, остров Ява и Сайгон Шлиман весной 1865 года прибыл в Китай (где наиболее сильные впечатления были связаны с посещением Великой Китайской стены), а затем из Шанхая на пароходе переправился в Японию, где он почти месяц знакомился с необычным образом жизни местных жителей. Возвращаясь в Европу Шлиман через Америку. Пока тихоходный корабль вез его в Сан-Франциско, он записывал впечатления от своего путешествия по Китаю и Японии. В следующем году эти записки под названием «Китай и Япония в настоящее время» будут опубликованы на французском языке. Эта книга станет первой из десяти работ, написанных Шлиманом.

Вероятно, уже во время своего путешествия Шлиман принял решение переехать вместе с семьей из Петербурга в Париж. В начале 1866 года он купил в Париже дом и записался слушателем Сорбонны. В то время ему было уже сорок четыре года, и он очень остро ощущал недостаток систематического образования. Ранее значительная часть состояния Шлимана была размещена в государственных бумагах Российской империи; теперь же он продал их и осенью 1866 года за сумму 600 тысяч рублей приобрел четыре доходных дома в Париже. Тогда же Шлиман подыскал в Дрездене частную школу, в которой должен был обучаться его сын Сергей. Однако неожиданно столь продуманные планы натолкнулись на упорное сопротивление Екатерины Шлиман, которая не собиралась вместе с детьми покидать Россию.

В январе 1867 года Шлиман подал прошение об «увольнении из русского подданства», но еще два года он будет писать то миролюбивые, то грозные письма жене, уговаривая ее переехать в Европу. Наконец в марте 1869 года Шлиман, используя не очень корректные методы, добился получения американского гражданства в штате Индиана и в соответствии с американскими законами развелся с Екатериной Шлиман. В сентябре того же года во время своего приезда в Афины Генрих Шлиман женился во второй раз, на молодой гречанке Софии Энгастроменос, которая была прекрасна, благовоспитанна и молода, моложе своего мужа на тридцать лет. Однако следует признать, что этот брак для Шлимана оказался удачным. София родила двух детей, получивших звучные имена героев греческой мифологии: Андромаха (родилась в 1871 году) и Агамемнон (в 1878 году). После смерти Шлимана София очень много сделала для увековечения заслуг своего мужа.

Однако 1866–1869 годы знаменательны не только потрясениями в личной жизни Шлимана. Именно в это время логика жизненного пути приведет его к подножию холма, раскопки которого сделают имя Шлимана известным всему образованному миру. Хотя «путь к Трое» отнюдь не был простым. Точнее, следует признать, что все предыдущие годы Шлиман вообще не искал Трои: в документах того периода нет никаких упоминаний об этом вопросе. Можно сказать, что Шлиман «споткнулся о Троию» во время очередного путешествия.

Весной 1868 года Шлиман отправился в поездку, которая должна была проходить по районам «классических древностей». Начал он с Италии, посетив античные руины великого Рима, а затем Неаполь, рядом с которым находятся знаменитые Помпеи. Через Сицилию Шлиман переправился на греческий остров Корфу, а оттуда на остров Итаку. Этот небольшой островок был прославлен Гомером как родина Одиссея и именно в этом качестве был интересен Шлиману. За те девять дней, которые он провел на этом острове, Шлиман из простого любопытствующего путешественника превратился в настоящего исследователя. Именно здесь, а не на земле Трои он провел свои первые археологические раскопки: он искал дом Одиссея,

который так подробно был описан Гомером. И конечно, не нашел его. Затем Шлиман пересек полуостров Пелопоннес, посетив развалины Микен и Тиринфа (известные также из поэм Гомера) и не зная, что судьба вновь вернет его в эти места, чтобы раскопать важнейшие центры микенской цивилизации.

В первой половине августа Шлиман прибыл в Троаду на северо-западе Малой Азии для осмотра остатков Трои. Дело в том, что, хотя спор о местонахождении Трои имел очень длительную историю, к концу 60-х годов XIX века официальная наука пришла к выводу, что этот древний город находился на возвышенности Бали-Даг близ селения Бунарбаши (или Пунарбаши) в 10 километрах от побережья Эгейского моря. Именно эти «официальные» развалины осмотрел Шлиман и собирался спокойно отбыть в Стамбул, но опоздал на корабль. И в этот момент произошла его судьбоносная встреча с Фрэнком Калвертом.

Фрэнк Калверт был англичанином, выполнял обязанности британского, а затем и американского консула в Дарданеллах; он родился и вырос в этих местах и был блестящим знатоком местных древностей. Калверт считал, что руины Трои следует искать в толще холма Гиссарлык (что с турецкого языка переводится как Малый замок), расположенного в 4,5 километра от берега в долине современных рек Мендерес и Дюмрек. Необходимо отметить, что еще до Калверта некоторые исследователи также предлагали искать Трою именно здесь. Например, так думали еще в 1768 году барон Йоган Германн, в 1801 году Эдвард Дэниел Кларк и Джон Мартин. В 1863 году шотландец Чарльз Макларен издал книгу «Описание плана Трои», в которой помещал остатки города на холме Гиссарлык.

Фрэнк Калверт купил северную часть этого холма и в 1865 году провел первые раскопки. Опыт показал, насколько сложным и дорогостоящим мероприятием является изучение данного объекта. Случай свел Фрэнка Калверта с Генрихом Шлиманом, которого он пригласил к себе домой в Чанаккале. Именно Калверт объяснил богатому немецкому предпринимателю, насколько перспективными будут раскопки Гиссарлыка. Надо отдать должное Шлиману, он очень быстро оценил ситуацию. В этот день, 15 августа 1868 года, родилась «мечта о Трое»! Шлиман поверил, что под толщей напластований Гиссарлыка именно он откроет настоящую Трою и это деяние принесет ему заслуженную славу и признание всего научного мира! Он получит то, что нельзя было купить ни за какие деньги.

По итогам своего путешествия в Грецию Шлиман в следующем году издал книгу на французском языке «Итака, Пелопоннес и Троя», где, в частности, утверждал, что еще в 1866 году предполагал нахождение Трои под холмом Гиссарлык. Однако следует обратить внимание, что название этого холма впервые было упомянуто в его дневнике только за день до его встречи с Калвертом. Этот пример является характерным для понимания тех средств, с помощью которых Шлиман в течение всей жизни создавал «легенду о докторе Шлимане».

Кстати, в 1868 году Шлиман еще не был доктором, и он прекрасно понимал, что ученые мужи сотрут в порошок неизвестно откуда взявшегося самозванца, не имеющего научного авторитета. История получения ученой степени является одним из самых темных эпизодов в жизни Шлимана. 12 марта 1869 года он направил на философский факультет Ростовского университета просьбу рассмотреть вопрос о присуждении ему степени доктора философских наук на основании присланных материалов. Этими материалами были две опубликованные им книги («Китай и Япония в настоящее время» и «Итака, Пелопоннес и Троя») и два экземпляра автобиографии (на латинском и древнегреческом языках).

Восемь ученых мужей буквально за несколько дней успели ознакомиться с этими трудами и написать положительные отзывы. 27 апреля Генриху Шлиману была присвоена искомая степень доктора философских наук. Правда, все эти события происходили в отсутствие самого соискателя, который в это время в Америке решал вопросы, связанные с получением американского гражданства и с расторжением первого брака.

Итак, все было готово к началу раскопок Трои. В 1870 году Шлиман переезжает вместе с Софией из Парижа в Афины, чтобы быть поближе к месту будущей работы. Позднее, в 1878–1879 годах, известный немецкий архитектор Эрнст Циллер, который украсил своими зданиями столицу Греции, в центре Афин на улице Панэпистимиу построил для Шлимана небольшой дворец в стиле итальянского Ренессанса. В этом дворце, который носит название Илиу Мелатрон, жил Шлиман со своей семьей, здесь же размещались его археологические находки. С 90-х годов XX века в этом здании располагается Нумизматический музей. Кстати, именно в этот музей, который тогда находился в другом месте, София Шлиман передала в 1928 году нумизматическую коллекцию мужа.

Шлиман подал прошение властям Османской империи с просьбой разрешить раскопки на холме Гиссарлык. Однако турецкая бюрократическая машина работала очень медленно. В 1870 году Шлиман провел небольшие, по сути нелегальные, раскопки на холме. И только 12 августа 1871 года Шлиман получил фирман на ведение изысканий, причем в соответствии с текстом этого документа половину своих находок он должен был передавать в новый археологический музей в Стамбуле.

Первый этап раскопок на Гиссарлыке начался 11 октября 1871 года и завершился 17 июня 1873 года. Шлиман нанял около сотни рабочих, проживавших в соседних деревнях греков и турок, и стал прокапывать огромную траншею прямо по центру холма, стремясь как можно быстрее дойти до его основания, где, по предположению Шлимана, и должны были находиться остатки «гомеровской» Трои. Именно эти три раскопочных сезона и нанесли археологическому памятнику непоправимый ущерб, за что последующие поколения археологов справедливо продолжают упрекать Шлимана. За Шлиманом прочно закрепилось определение «одиночки и дилетанта в науке».

Надо отметить, что Шлиман действительно не имел специального археологического образования, но не следует забывать, что в его время получить такое образование было нелегко. Опыт к археологам XIX века приходил только в ходе их собственной раскопочной работы, знания добывались путем проб и ошибок. Конечно, приступая к раскопкам, Генрих Шлиман проявил потрясающую самоуверенность. Имея четкую цель – найти Трою Гомера, он, судя по всему, представлял себе раскопки как «расчистку» легендарного города от «малоценных» более поздних слоев. Такой подход у него возник, скорее всего, в результате посещения знаменитых раскопок в Помпеях, где усилиями археологов удалялся многометровый слой пепла и лавы, которые погребли римский город во время извержения Везувия в 79 году. Кроме того, Шлиман дважды посещал Египет, где видел прекрасные архитектурные памятники, освобожденные от огромных песчаных наносов. Следует еще раз подчеркнуть, что в начале раскопок Шлиман отнюдь не собирался археологически исследовать историю данного поселения, он искал лишь то, что хотел найти.

К сожалению, такое отношение к археологическим памятникам в XIX и начале XX века встречалось не только у Шлимана. Еще в конце 20-х годов XX века выдающийся русский ученый М.И. Ростовцев сетовал, что во время раскопок в Египте археологи практически не интересуются слоями греко-римского периода. Накопленный опыт работы уже в 1873 году заставил Шлимана критически оценить полученные результаты. В последний день раскопок он писал: «Из-за моей прежней ошибочной идеи, что Троя должна находиться на материке и поблизости от него, в 1871 и 1872 годах мною была, к сожалению, разрушена большая часть города...»

Археологи также справедливо упрекают Шлимана за его ориентацию на поиски артефактов и недостаточное внимание к археологическому контексту, в котором были сделаны находки. Однако следует заметить, что действия Шлимана в целом соответствовали методике археологических исследований XIX – начала XX века. Даже классические раскопки немецкой археологической экспедиции в Ашшуре под руководством А. Андрэ, которые были осуществлены в 1903–1914 годах, сохраняли эти недостатки.

Еще в конце 20-х годов XX века на начальном этапе знаменитых раскопок Дура-Европос, проводимых совместной экспедицией Йельского университета и Французской академии надписей и изящной словесности (1928–1937), также ощущалось недостаточное внимание к вопросам стратиграфии находок. Однако Шлиман уже с 1872 года начал привлекать к работам на раскопе геодезистов, рисовальщиков и фотографов. Тогда же французский ученый Эмиль Бюрнуф убедил Шлимана в необходимости фиксировать глубину, на которой были сделаны находки. С 1882 года по приглашению Шлимана на раскопках Гиссарлыка начал работать архитектор Вильгельм Дёрпфельд, который много сделал для изучения и реконструкции архитектурной планировки разных исторических периодов и значительно уточнил стратиграфию археологических слоев.

Также хотелось бы отметить еще два позитивных момента в работе Шлимана. Первое – это оперативная и очень полная публикация результатов раскопок (что и в наши дни встречается не так часто). Тем самым Шлиман предоставлял возможность использовать полученные им материалы всем заинтересованным специалистам. Второе – очень продуманная организация работы. Любые археологические раскопки, связанные с привлечением большого количества рабочих, требуют решения многих вопросов: определение численности отрядов, производящих те или иные работы, система контроля над рабочими, организация питания, обеспечение необходимыми инструментами, надзор по безопасности работ и многое другое. Но главное, без чего не может функционировать ни одна археологическая экспедиция, – это финансирование.

Обычно вопросы финансирования решаются теми или иными государственными органами: чиновники решают, стоит ли тратить средства на «причуды» ученых (хотя следует заметить, что в европейских государствах в XIX веке пополнение музейных собраний предметами, найденными во время археологических раскопок, считалось очень престижным делом). В этом отношении раскопки Шлимана почти уникальны: для проведения археологических работ он тратил только свои деньги. Он никогда ни перед кем не унижался, он ничего ни у кого не просил! Причем при организации финансирования своих работ Шлиману очень пригодился многолетний опыт коммерсанта: он упорно торговался по любому финансовому вопросу и всегда добивался оптимального результата.

Еще одним достижением Шлимана можно считать изучение массового керамического материала, который в его время обычно не привлекал внимание археологов. В свободное от раскопок время Шлиман настойчиво занимался поиском аналогий для своих находок (прежде всего керамических) с целью определения датировки; он это делал либо изучая музейные коллекции в Европе, либо просматривая публикации в научных изданиях. Шлиман консультировался у разных специалистов для получения исчерпывающей информации, касающейся тех или иных находок. Например, биологические и антропологические объекты были исследованы знаменитым немецким профессором медицины и другом Шлимана Рудольфом Вирховом. Заключение о технологии изготовления керамики из самых нижних слоев поселения подготовил профессор химии Ландерер из Афин. Профессор химии Раммельсберг из Берлина провел анализ образцов нескольких бронзовых предметов, найденных в Трое. В силу своих возможностей Шлиман старался работать с эпиграфическим и нумизматическим материалом.

Забегая вперед, следует отметить, что раскопки Шлимана и даже его заблуждения относительно «града Приама» дали толчок не только развитию классической археологии. Они стимулировали необходимость нового обращения к поэмам Гомера, выявления специфики отражения реальной жизни в таком жанре, как героический эпос, соотнесения литературного текста и археологического материала.

От начала работ на Гиссарлыке до сезона археологических раскопок в Трое 1882 года, о котором рассказывает эта книга Шлимана, прошло более десяти лет. К этому моменту за плечами Шлимана были уже не только первые три года работы в Трое (1871–1873), но и бле-

стящие раскопки в Микенах (1876), где он открыл шахтовые гробницы с изумительными по красоте произведениями ювелирного искусства (включая знаменитые золотые маски). Осенью 1878 и весной 1879 года Шлиман провел новые раскопки на Гиссарлыке; в 1880 году он организовал раскопки Орхомена в Беотии. И наконец, в 1882 году Шлиман опять возвращается на Гиссарлык.

Вынужденный перерыв в раскопках на Гиссарлыке (1874–1877) был связан со знаменитой находкой Шлимана – так называемым «кладом Приама». История этой находки является одним из самых впечатляющих эпизодов «легенды о докторе Шлимане», и его (вслед за самим Шлиманом) воспроизводят многие авторы, писавшие об этом человеке. История, рассказанная Шлиманом, такова. В один из последних дней раскопочного сезона в июне 1873 года внимание Шлимана привлек обнажившийся у подножия мощной стены медный предмет странной формы. Объявив рабочим перерыв на завтрак, чтобы подальше удалить их от этого места, Шлиман осторожно стал расчищать находку ножом. В открытой им нише оказался комплекс предметов из золота, серебра и электра: сосуды, две изумительные диадемы, бусы, браслеты, серьги и височные кольца (всего 8830 предметов). Аккуратно собрав сокровище, с помощью жены Шлиман перенес находку в дом, располагавшийся рядом с раскопками. Через несколько дней клад тайком перевезли в Афины и по частям спрятали у родственников Софии. Когда сокровища таким образом были спасены (от турецких властей), Шлиман сообщил в газеты сенсационную новость: им найдено главное подтверждение своей правоты – клад, принадлежавший легендарному царю Трои Приаму! А кому же еще могли принадлежать эти бесценные предметы?!

До этого момента раскопки на Гиссарлыке интересовали (да и то достаточно мало) только некоторых историков. Найдка «клада Приама» сделала имя Шлимана известным во всех странах Европы. Правда, как показало изучение документов самого Шлимана, реальные обстоятельства этого открытия были несколько иными, чем те, о которых так романтично рассказывал сам автор.

Во-первых, клад был обнаружен, скорее всего, еще в конце мая, и Шлиман изменил дату, чтобы ввести в заблуждение турецкие власти в вопросе обстоятельств нелегального вывоза сокровищ.

Во-вторых, исчезает эпизод трогательного участия в обнаружении этого клада жены Шлимана Софии. Как доказывают письма, в это время она находилась в Афинах. Но Шлиману очень хотелось, чтобы и ее имя было увековечено участием в этом эпохальном открытии. И он придумал этот один из самых романтических моментов «легенды о докторе Шлимане». Ведь в этом суть «легенды»: если действительность не соответствовала желанию Шлимана, рассказ Шлимана о ней «исправлял» несовершенство этой действительности.

В-третьих, перевез в Афины найденные предметы Фредерик Калверт, брат Фрэнка Калверта; в Афинах они были помещены в банк. В-четвертых (и это главное), клад не мог принадлежать легендарному Приаму, поскольку был найден в археологических слоях на тысячу лет более ранних, чем эпоха Троянской войны. Но этот вопрос касается заблуждений Шлимана в отношении датировки открытых им археологических периодов Трои.

Когда сообщения в европейской прессе о находке клада стали известны в Турции, Шлиману был предъявлен иск по поводу незаконного присвоения сокровищ. Именно невозможность в это время продолжать раскопки на Гиссарлыке стимулировала его интерес к исследованию Микен, где Шлиман сделал свои блестящие открытия. Раскопки 1876 года в Микенах и более поздние раскопки в Тиринфе (1884–1885), по сути дела, открыли для науки древнейший период греческой истории – период микенской (или ахейской) цивилизации. Тем временем Шлиман проиграл турецким властям судебный процесс и был приговорен к штрафу в 10 тысяч франков. Он добровольно выплатил 50 тысяч франков и получил в свое распоряжение найденные сокровища, а также возможность продолжить работы на Гиссарлыке.

После сенсационных находок в Трое и Микенах Шлиман получил доказательство общественного признания своих заслуг. В 1876 году его приняли в почетные члены очень престижного Общества лондонских антиквариев. В следующем году Шлиман был избран почетным членом Германского общества антропологии, этнологии и древней истории. После долгих колебаний в 1881 году Шлиман подарил свою археологическую коллекцию (в том числе и «клад Приама») городу Берлину. В связи с этим бесценным даром Шлиман получил звание почетного гражданина Берлина, а также был избран почетным членом Берлинского общества этнологии и древней истории. С тех пор коллекция Шлимана экспонировалась сначала в Музее художественных ремесел, затем в Музее народоведения, а с 1922 года – в Музее первобытной и древней истории. С началом Второй мировой войны коллекция Шлимана, как и прочие музейные ценности, была спрятана в одном из многочисленных хранилищ. В мае 1945 года «клад Приама», который был самой ценной частью этой коллекции, внезапно пропал и только в 1993 году обнаружился в Москве. Но это уже другая история, которая, кстати, еще не окончена...

Раскопки Трои 1882 года, о которых рассказывает эта книга, должны были стать последними. Шлиман писал: «Моя работа в Трое теперь окончена навсегда, она продолжалась более десяти лет – роковая связь с легендой об этом городе. Сколько десятков лет вокруг этого будут еще бушевать споры, знают только критики; это их работа: моя работа окончена». Однако Шлиман поторопился со своим решением. Ему пришлось вернуться на Гиссарлык в последний год своей жизни. С марта по конец июля 1890 года он вместе с Вильгельмом Дёрпфельдом провел новый раскопный сезон на развалинах Трои. В период между 1882 и 1890 годами Шлиман не прекращал интенсивных исследовательских работ. В 1882–1883 годах Шлиман планировал проведение раскопок в Колхиде, где рассчитывал найти доказательства греческого мифа о путешествии аргонавтов. В 1884–1885 годах совместно с Дёрпфельдом он осуществил раскопки в Тиринфе. В 1885 году Шлиман был избран членом Германского археологического института в Берлине, что, по сути, было признанием его заслуг со стороны представителей официальной науки. В 1886 году опять вместе с Дёрпфельдом он осуществил новые раскопки Орхомена. В том же году Шлиман планировал начать раскопки на Крите. Судьба привела его на то место, где под слоем земли покоились остатки ставшего впоследствии знаменитым Кносского дворца. Только стечение обстоятельств не позволило Шлиману совершить еще одно замечательное открытие. В 1900 году на этом месте начал раскопки английский археолог Артур Эванс и тем самым положил начало изучению минойской цивилизации.

Раскопки 1890 года на Гиссарлыке, где началась мировая известность Шлимана, оказались последними в его жизни. Шлиман долгие годы страдал воспалением среднего уха и в ноябре 1890 года в Галле перенес операцию по этому поводу. Шлиман торопился к своей семье в Афины, однако в Неаполе его состояние здоровья резко ухудшилось. Шлиман скончался в этом городе 26 декабря 1890 года. Обстоятельства смерти логично завершали «легенду о докторе Шлимане»: по словам Шлимана, именно в рождественские праздники 1829 года он впервые увидел картинку с изображением Трои, а на Рождество 1890 года Шлиман ушел из жизни, раскопав остатки великого города. Шлиман был похоронен на кладбище в Афинах. Его мавзолей, украшенный бюстом Гомера и рельефами со сценами из «Илиады», был спроектирован архитектором Эрнстом Циллером, который в свое время создал афинский дом для семьи Шлимана.

* * *

Еще при жизни Шлимана Вильгельм Дёрпфельд смог доказать ему, что следует выделять не семь основных археологических слоев (семь «городов» в представленной здесь книге), а девять. Во-вторых, Дёрпфельд смог поколебать убеждение Шлимана, что второй город, в слое которого был найден «клад Приама», является гомеровской Троей. Находки керамики микен-

ского типа в слое шестого города во время раскопок 1890 года привели к необходимости корректировки всей хронологии археологических слоев. Однако раскопки, которые планировал Шлиман на 1891 год, не состоялись. Только в 1893–1894 годах Вильгельму Дёрпфельду удалось провести еще два раскопочных сезона на Гиссарлыке и тем самым завершить «шлимановский» период изучения Трои. Эти раскопки принесли очень важные результаты, поскольку Дёрпфельд смог найти археологические подтверждения тому, что гомеровской Троей, скорее всего, являются слои шестого города (Троя VI).

Затем почти на сорок лет мир как будто забыл о развалинах великого города, открытого Шлиманом. Только с 1932 года на Гиссарлыке археологическое изучение Трои возобновила экспедиция университета Цинциннати. В результате этих работ, которые продолжались до 1938 года, выдающийся американский археолог Карл Блеген существенно уточнил последовательность существования на этом месте древних поселений и определил, что гомеровский город соответствует археологическому слою Троя VIIa. Эта точка зрения сейчас разделяется большинством историков. Кстати, книга К. Блегена «Троя и троянцы», посвященная раскопкам американской экспедиции, была переведена и опубликована издательством «Центрполиграф» в 2002 году.

Прошло еще пятьдесят лет. В 1988 году начал осуществляться интернациональный проект «Троя и Трояда. Археология местности», руководителем которого стал профессор Тюбингенского университета Манфред Корфман. Сотрудники экспедиции использовали самые современные методы исследования, что существенно повлияло на успешное выполнение задач. Особенно интересные результаты были получены в исследовании границ так называемого нижнего города, который так рассчитывал найти Шлиман. К сожалению, сейчас эти очень перспективные работы прекращены...

И последнее замечание. Многие заблуждения Шлимана и его современников были связаны с тем, что материалы раскопок, особенно самых ранних археологических слоев, долгое время оставались уникальными, их попросту не с чем было сравнивать. Никто не предполагал, к какой древнейшей эпохе они относятся. Только более поздние раскопки на территории Анатолии, осуществленные уже в XX веке, смогли поставить материалы из Трои в общий исторический контекст. Раскопки Дж. Мелларта на Чатал-Хююке (7-е – начало 6-го тысячелетия до н. э.) и Хаджиларе, Дж. Гарстанга Мирсина, С. Ллойда Бейджесултана (археологические слои последних трех центров относятся к концу 6-го – 4-му тысячелетию до н. э.) открыли культуры более древние, чем самое первое поселение на Гиссарлыке. В 3-м тысячелетии до н. э., то есть в период существования Трои I и Трои II (именно в этом слое был найден «клад Приама»), археологи сейчас насчитывают в Малой Азии более десяти одновременно существовавших культур. Из них наиболее близко к Трое располагаются культуры Кумтепе и Иортан. Благодаря этим открытиям территория Малой Азии стала рассматриваться как один из центров формирования цивилизации. Начало изучения этого региона было положено археологическими раскопками Генриха Шлимана на Гиссарлыке.

* * *

Значение издания, которое вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках, трудно переоценить. Я уже говорил, что книг о Шлимане с различными оценками его археологической деятельности на русском языке достаточно много. Однако перевод на русский язык одного из трудов Шлимана появляется *впервые*. Теперь не только специалисты-археологи, но и все интересующиеся историей могут сами судить о достоинствах и недостатках работы этого человека.

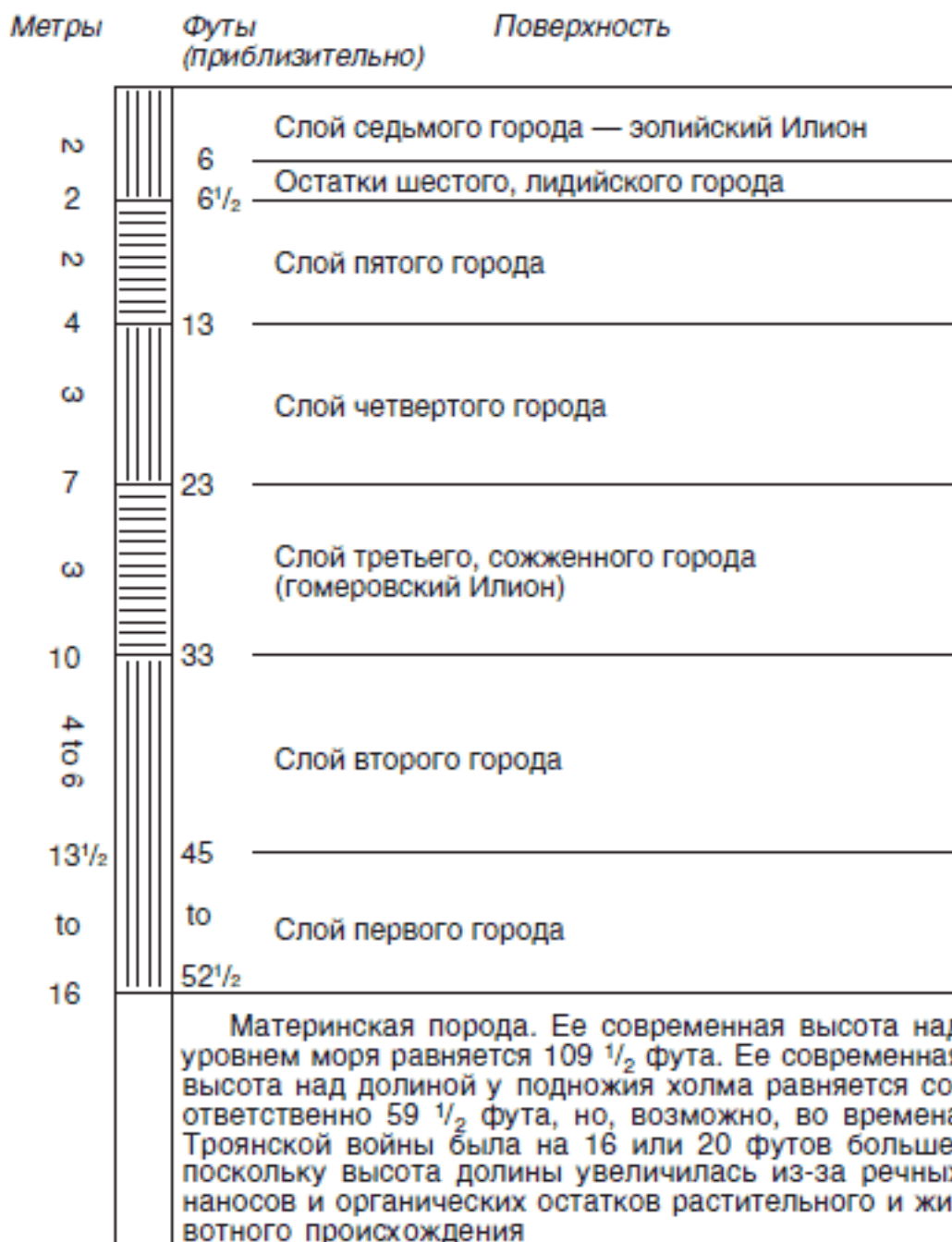
Следует также отметить, что данная книга хорошо передает некоторые особенности духовной жизни Европы XIX века, для которого характерна поистине детская способность восхищаться открытиями нового в любых областях: в археологии, технике, естественных нау-

ках, литературе, поэзии, живописи, архитектуре и т. д. К сожалению, в прагматическом и трагическом XX веке европейское общество во многом потеряло эту способность. Поэтому эта книга будет интересна не только специалистам-историкам, но и тем читателям, которые отдают предпочтение литературе той ушедшей эпохи.

А.В. Стрелков,
кандидат исторических наук

ДИАГРАММА,

показывающая последовательные слои остатков на холме Гиссарлык

Предисловие

Такая книга, как эта, конечно, заставит о себе много говорить после (Nachrede), но на самом деле она не нуждается в предисловии (Vorrede). Тем не менее, поскольку друг мой Шлиман настаивает на том, чтобы я представил ее публике, я отброшу все сомнения, которые (по крайней мере, по моему внутреннему чувству) отводят мне лишь второстепенную роль. Мне необыкновенно повезло: я стал одним из немногих свидетелей последних раскопок на Гиссарлыке и увидел, как сожженный город восстает, целиком и полностью, из-под мусора последующих столетий. В то же самое время я видел и саму троянскую землю, неделя за неделей – как она пробуждается от зимнего сна и разворачивает перед нами все красоты природы, создавая все новые и новые, все более впечатляющие и величественные картины. Таким образом, я могу с полным правом говорить не только о трудах неутомимого исследователя, который не успокоился до тех пор, пока та работа, которая лежала перед ним, не была полностью закончена, но и о том, на какой правдивой основе была создана поэтическая идея, которая тысячи лет зачаровывала и услаждала весь образованный мир. И я считаю своей обязанностью выступить свидетелем перед лицом толпы сомневающихся, которые – будь то с добрыми или дурными намерениями – без устали порицали и достоверность и значение открытий ученого.

Теперь уже бессмысленно спрашивать, действовал Шлиман в начале своей работы исходя из верных или ложных предпосылок. Не только результат доказал его правоту: его метод исследований также оказался великолепным. Может быть, его гипотезы действительно были слишком смелыми, даже произвольными; может быть, действительно захватывающая картина бессмертной поэзии Гомера заворожала его фантазию – однако именно в этом пороке воображения, как я могу это назвать, и коренился секрет его успеха. Кто бы предпринял такой титанический труд в течение столь многих лет, потратив такое огромное количество своих собственных денег, прокопавшись через наваленные друг на друга, казавшиеся почти бесконечными слои мусора вплоть до глубокого материка – кроме человека, проникнутого уверенностью, даже какой-то восторженной убежденностью? Сожженный город и до сего дня лежал бы в земле, если бы Воображение не направляло его лопату.

Однако строгое исследование само собой заняло место воображения. Год за годом факты подвергались все более и более серьезной оценке. Поиски правды – всей правды, и ничего, кроме правды! – наконец, настолько оттеснили поэтическую интуицию на задний план, что я, представитель естественных наук, привыкший к самому бесстрастному и объективному созерцанию (*mit der Gewohnheit der kältesten Objectivität*), чувствовал себя вынужденным напоминать моему другу, что поэт был не только поэтом, что нарисованные им картины могли иметь и объективное основание и что ничто не должно мешать нам связывать реальность, такой, какой она предстает перед нами, с древними легендами, основанными на определенных воспоминаниях о местности и о событиях древности. Я чрезвычайно рад тому, что эта книга в том виде, в котором она предстала перед нами, полностью удовлетворяет обоим требованиям: давая правдивое и точное описание находок и условий страны и местности, она везде связывает нити, которые позволяют нашему воображению определенным образом соединить действующих лиц с предметами.

Раскопки в Гиссарлыке имели бы непреходящую ценность даже в том случае, если бы «Илиада» никогда не была написана. Нигде в мире земля не скрывала столько остатков древних поселений, лежащих один над другим, которые при этом содержали бы в себе такое богатство находок. Когда мы стоим на дне гигантской воронки, которая открывает нам сердце крепости на холме, и наш взгляд бродит по высоким стенам, обнаруженным нами в ходе раскопок, то нашим глазам предстают руины зданий, то орудия труда древних жителей, то остатки их пищи – и всякие сомнения в древности этого поселения исчезают. Речь идет отнюдь не о пустых

домыслах. В положении и стратификации предметов есть столько поразительных особенностей, что мы просто вынуждены сравнивать их свойства или между собою, или с иными находками, сделанными в отдаленных местах. Мы должны подходить к делу практически (*objectiv*), и я с удовольствием свидетельствую, что утверждения Шлимана отвечают всем требованиям точности и аккуратности. Любой, кто сам занимался раскопками, знает, что мелких ошибок очень трудно избежать и что в ходе исследования некоторые результаты более ранних стадий работы неизбежно приходится исправлять. Однако в Гиссарлыке это исправление оказалось достаточно простым, чтобы гарантировать точность общего результата, и работа, которая теперь предлагается миру, может быть поставлена в один ряд с лучшими археологическими исследованиями. Кроме того, ошибка в определении положения какого-либо предмета может в каждом случае относиться только к деталям; на основную массу результатов это не оказывает никакого воздействия.

Простого исследования крепости на холме Гиссарлык достаточно, чтобы с полной точностью доказать последовательность поселений, которых, как теперь предполагает Шлиман, было семь. Однако последовательность их смены – еще не хронология. Эта последовательность показывает нам, что старше и что моложе, однако мы не знаем, насколько древним является каждый отдельный слой. Такой вопрос предполагает сравнение с другими подобными местами или, по крайней мере, предметами, датировка которых уже достоверно установлена; другими словами, нужна интерпретация. Однако с интерпретацией начинается неуверенность. Археолог редко может подтвердить свою интерпретацию всеми найденными предметами. Более того, чем дальше идут эти сравнения, тем менее можно рассчитывать, что открытия будут полностью друг другу соответствовать. Таким образом, наше внимание направлено на отдельные предметы, точно так же, как палеонтолог ищет характерные раковины (*Leitmuscheln*), чтобы определить возраст геологического пласта. Однако опыт показывает, что на *Leitmuscheln* в археологии не слишком можно полагаться. Человеческий интеллект способен изобрести одинаковые вещи в различных местах. Некоторые художественные или технические формы развиваются одновременно, безо всякой связи или отношений между художниками или мастерами. Достаточно вспомнить случай с орнаментом *меандр*, который в Германии появляется достаточно поздно, возможно уже в эпоху Римской империи, но еще позже зарождается в Перу и на Амазонке, где его, видимо, уже нельзя считать заимствованием. Таким образом, местные моды и художественные формы не представляют собой ничего исключительного, и специалист иногда может определить место обнаружения по одному предмету.

В случае Гиссарлыка слои, которые можно определить по их характеру в целом, залегают очень близко к поверхности. Под греческим городом (Новый Илион) и городом, который был, возможно, македонским, исследователь находит предметы, особенно керамику, которая по своей форме, материалу и росписям относится к тому, что называется архаическим периодом греческого искусства. Затем начинается доисторический период в более узком смысле этого слова. Доктор Шлиман на серьезных основаниях попытался доказать, что шестой город (считая снизу) следует отнести, согласно традиции, к лидийцам и что мы можем в его художественных формах увидеть параллели с этрусской или умбрской керамикой. Однако чем глубже мы идем, тем меньше соответствий мы находим. В сожженном городе иногда встречаются те или другие предметы, которые напоминают нам о Микенах, Кипре, Египте, Ассирии; или же что-то говорит об их общем происхождении или, по крайней мере, о похожих образцах. Возможно, нам удастся найти и другие связующие нити, однако пока мы еще так мало знаем обо всех этих связях, что приложить иностранную хронологию к этим новым открытиям кажется в высшей степени опасным делом.

Весьма поучительный и предостерегающий пример такого рода казуистической археологии дает нам последняя атака на доктора Шлимана со стороны одного ученого из Санкт-Петербурга. Поскольку Гиссарлык имеет определенные точки соприкосновения с Микенами,

а последние, в свою очередь, – с югом России, то, исходя из этого, ученый сделал вывод, что хронология Южной России должна стать мерилom и для Гиссарлыка и что как Микены, так и Гиссарлык следует приписать кочующим ордам герулов в III веке н. э. Бросаясь в противоположную крайность, другие специалисты склонны были относить древнейшие «города» Гиссарлыка к эпохе неолита, поскольку в них были найдены замечательное оружие и инструменты из полированного камня. Обе эти гипотезы одинаково неоправданны и недопустимы. К III веку н. э. принадлежит поверхность холма-крепости Гиссарлык, которая все еще лежит над македонской стеной, и древнейшие города – хотя в них были найдены не только полированные камни, но и ломаные осколки халцедона и обсидиана – тем не менее относятся к эпохе металлов. Ибо даже в первом городе были найдены орудия из меди, золота и даже серебра.

Несомненно, что никакие люди каменного века в строгом смысле на крепости-холме Гиссарлык (настолько, насколько он был раскопан на данный момент) никогда не жили. О том, что здесь происходила постепенная эволюция таких людей к более высокой цивилизации, цивилизации металлов, здесь можно говорить не более чем относительно любого другого до сих пор известного поселения Малой Азии. Орудия из полированного камня также были найдены в других областях Малой Азии – как, например, вблизи древних Сард, – однако до сих пор не доказано, что они принадлежат к каменному веку. Очевидно, эти люди переселились сюда в тот период своего развития, когда они уже находились в веке металлов. Если бы мы взялись рассуждать, основываясь на том, что в первую очередь бросается в глаза, то нам пришлось бы предполагать, что эти люди переселились с границ Китая, поскольку в Гиссарлыке часто встречается нефрит и жадеит, и что, когда эти люди добрались до Геллеспонта, они уже достигли высокой степени технического совершенства и умели изготавливать законченные изделия.

Возможно, является случайностью то, что даже в древнейшем городе были обнаружены два каменных топора с просверленными в них отверстиями, в то время как ни в одном другом месте Малой Азии подобных предметов не встречается. В любом случае искусство обработки камня уже далеко продвинулось, и история основания Илиона (как она очерчена в «Илиаде») в точности совпадает с археологическими открытиями. У нескольких черепов, которые удалось обнаружить в нижних городах, есть одна общая черта: все они без исключения представляют облик (*habitus*) более цивилизованных людей; особенности дикарей в строгом смысле этого слова у них полностью отсутствуют.

Достаточно странно, что у этой расы, судя по всему, *не было железа*. Хотя иногда встречается местный красный железняк, который, очевидно, использовался, однако все предметы, которые первоначально казались железными инструментами, после более тщательного исследования оказались не железными.

Не менее странно и то, что даже в сожженном городе *нигде не было найдено ни одного меча в строгом смысле этого слова*. Оружие из меди и бронзы встречается часто – наконечники копий, кинжалы, наконечники стрел, ножи (если их можно назвать оружием), но мечей нет. Этому пробелу соответствует другой, в области украшений, который для нас, жителей Запада, еще более странен – я имею в виду *отсутствие фибул* (головок брошей). Среди медных и бронзовых булавок есть много таких, которые, судя по их размеру и изогнутости, могут считаться булавками для платья; однако ни одной фибулы в том смысле, в котором мы понимаем это слово, пока найдено не было. Я всегда полагал, что обилие фибул в северных раскопках объясняется тем, что в более холодном климате застегивать одежду было более необходимо. Римская провинциальная фибула в северных областях является едва ли не самой частой находкой эпохи Римской империи, в то время как в самой Италии она отступает на задний план. Однако тот факт, что у племени столь богатого металлами, как древние троянцы, не было найдено абсолютно ни одной фибулы, безусловно, признак большой древности и, безусловно, отличает их от большинства западных культур, с которыми сравнивали троянскую. То же самое можно заметить и об *отсутствии ламп* в древних городах.

В керамике обнаруживается множество соответствий с западной. Разумеется, я не могу назвать ни одного места, где весь комплекс найденной там керамики полностью соответствовал бы керамике древних городов Гиссарлыка. Только в шестом городе мы обнаруживаем, как убедительно доказал доктор Шлиман, многочисленные связи с этрусскими вазами; и далее я могу отметить, что многие формы, которые встречаются в Гиссарлыке в глине, в Этрурии исполнялись в бронзе. В связи с этим я могу указать как на «ведущую окаменелость» на этрусские кувшины с носиками, которые были найдены в самом сердце Германии и в Бельгии. В большинстве доисторических городов Гиссарлыка мы находим терракоты, в точности соответствующие тем, которые часто встречаются в Венгрии и Трансильвании, в Восточной и Средней Германии и даже в свайных постройках Швейцарии. Благодаря любезности доктора Виктора Гросса я сам владею фрагментами чаш из черной полированной глины, обнаруженных в озере Бьенн, внутренняя поверхность которых покрыта прочерченными геометрическими узорами, заполненными белой глиной, таких же, как я привез из древнейшего города на Гиссарлыке. Совсем недавно я присутствовал на раскопках большого конического кургана, которые профессор Копфляйш проводил на территории Ангальта: значительное количество обнаруженных здесь глиняных сосудов имеют широкие выступы в виде крыльев с перпендикулярными отверстиями и очень большие и широкие ручки, которые прикреплены достаточно низко, рядом с дном – совсем как в сосудах из сожженного города. Ранее я уже упоминал о сходстве маленьких фигурок животных, орнаментированных штампов и других терракот, найденных в Венгрии. Странные сосуды для благовоний с отверстиями (фонарики) Гиссарлыка находят себе многочисленные аналогии в древних кладбищах Лаузица и Познани.

Я не готов утверждать, что все это – доказательства прямой связи. Этот вопрос можно рассматривать только тогда, когда будет произведено более тщательное археологическое исследование стран Балканского полуострова, – и желательно, чтобы это произошло как можно скорее. Но даже если мы обнаружим прямую связь, останется открытым другой вопрос: шел ли цивилизационный поток из Малой Азии в Восточную Европу или наоборот; и поскольку логически первое более возможно, то из этого мало что прояснится для хронологии Гиссарлыка.

В связи с этим о многом можно поговорить – как, например, о кресте с крюками (свастика), треугольнике, круглом и спиральном орнаменте, орнаменте с волнами, однако здесь я об этом говорить не буду: все это широко распространенные признаки, которые, как очевидно по нашему опыту, мало что дают для определения периода. С другой стороны, я не могу полностью воздержаться от того, чтобы не упомянуть вопрос, в котором я не могу полностью согласиться со Шлиманом. Я имею в виду наши «лицевые урны», такие, как мы часто находим в Поммерле и Восточной Померании и даже в самой Познани и Силезии, в одном определенном регионе. Я не могу отрицать, что между ними и троянскими «совиными» вазами есть значительное сходство, хотя я также признаю, что на первых совиного «лица» нет. Однако в этом вопросе мне хотелось бы несколько подкорректировать формулировку моего друга. Насколько я вижу, нет ни одной троянской лицевой вазы, о которой можно было бы сказать, что на ней изображена настоящая совиная голова или что упомянутая часть вазы полностью имеет форму птицы. Что касается естественной истории, то образ, изображенный на верхней части вазы, является человеческим, и нос и область глаз выглядят совиными лишь в пределах человеческого облика и пропорций. Уши, с другой стороны, всегда изображаются человеческими и никогда – совиными. Я не отрицаю, что форма изображенного лица часто представляет «совиный» тип, и я не возражаю против связи с прилагательным «совоокая», однако мне не кажется, что это сходство простирается дальше, чем область вокруг глаз и верхней части носа: уши и нос (там, где они показаны), а также груди – чисто человеческие. И то же самое – только в еще более человеческой форме – мы видим и на лицевых урнах Поммерля. Таким образом, я считаю, что можно надеяться обнаружить между этими урнами некоторую связь; но в то же

время меня не удивит и если окажется, что наши лицевые урны гораздо более поздние, чем троянские.

Итак, я пришел к следующему выводу: открытия Гиссарлыка не могут быть объяснены открытиями, сделанными на севере или на западе, но, напротив, мы должны сверять наши коллекции с восточными образцами. Источники, с которыми мог быть связан Гиссарлык, также, возможно, лежат на востоке и на юге, однако их определение требует новых и гораздо более тщательных исследований в сфере востоковедения, где до сих пор работа была совершенно недостаточна. Отнюдь не «Илиада» первой связала финикийцев и эфиопов с легендарным циклом троянских легенд: сами открытия в Гиссарлыке представили перед нашими глазами слоновую кость, фигурки гиппопотамов и изящные золотые изделия, которые отчетливо указывают на Египет и Ассирию. Именно здесь хронологические проблемы Гиссарлыка должны найти свое решение.

Однако между тем перед нами – огромный холм из руин, который для взгляда реалиста представляет собой столь же уникальное явление, как и «священный Илион» для чувства поэта. Ему нет равных. И ни в одной груде руин нет заранее заданного шаблона, по которому можно о ней судить. Поэтому она и не входит в прокрустово ложе систематизаторов (Schematiker). *Hinc illae irae*^{1*}. Эти раскопки открыли перед археологами совершенно новое поле для исследований – целый новый мир. Отсюда берет начало новая отрасль науки.

И в этом уникальном холме есть слой, один из глубочайших его слоев – согласно последним расчетам Шлимана, третий слой снизу, – который в особенности привлекает наше внимание. Здесь бушевало страшное, всепожирающее пламя, в котором глиняные стены зданий плавилась и текли, как воск, так что застывшие капли стекла до сих пор свидетельствуют о чудовищном пожаре. Лишь в некоторых местах остались обгоревшие фрагменты, структура которых позволяет нам определить, что же именно горело – дерево или солома, пшеница или горох. Лишь малая часть города избежала огня. И только местами на сожженных участках остались не пострадавшие части домов под щебнем от осыпавшихся стен. Почти все сгорело до пепла. Каким чудовищным должен быть пожар, поглотивший всю эту роскошь! Мы словно слышим треск дерева и грохот рушащихся зданий. И, несмотря на все это, какие богатства были найдены среди пепла и углей! Пораженному глазу исследователя представляли одно за другим золотые сокровища. В то давнее время, когда человек еще так мало знал о земле и о своей собственной силе, в то время, когда, как рассказывает нам поэт, сыновья царей были пастухами, владение такими сокровищами из драгоценных металлов, изящнейшей и самой драгоценной работы, должно было быть известно повсеместно. Роскошь этого повелителя должна была возбуждать зависть и жадность, и разрушение его высокой крепости говорит ни о чем другом, как о его собственном падении и уничтожении всего его племени.

Был ли этим повелителем Приам? Был ли этот город священным Илионом? Никто и никогда не сможет дать ответа на вопрос – действительно ли именно эти имена были на устах у людей, когда прославленный царь смотрел из своей высокой крепости через Троянскую долину на Геллеспонт. Возможно, все эти названия – лишь поэтический вымысел. Кто знает? Возможно, в легенде передавалась всего лишь история победоносного похода с Запада, целью которого было уничтожить царство и город. Но кто может усомниться, что на этом месте действительно была одержана устрашающая победа над гарнизоном крепости, который защищал не только себя, свою семью и дома оружием из камня и бронзы, но и пытался при этом сохранить огромное богатство, которым обладал, – золото, серебро, украшения и мебель? Не имеет большого смысла спорить об именах этих людей или их города. Однако любой – как сегодня, так и в эпоху Гомера – задается вопросом: кто были эти люди и откуда они пришли, к какому

^{1*} Отсюда и этот гнев (лат.). (Здесь и далее примечания автора обозначены цифрами, примечания переводчика – цифрами со звездочкой.)

племени принадлежали? Хотя строгий исследователь и воздержится от того, чтобы давать им имена, хотя все это племя может, словно призраки Аида, безмолвно пройти перед судом науки, однако для нас, тех, кто предпочитает яркие краски дня, одеяние жизни и блеск личности, для нас Приам и Илион, как только мы обратимся к событиям этого периода, останутся обозначениями, к которым привык наш ум. Именно здесь Европа и Азия впервые встретились в человекоубийственной войне (*in völkerfressendem Kampfe*); именно здесь была одержана в бою единственная решительная победа, в которой Запад одолел Восток на почве Азии за все время вплоть до Александра Великого.

А теперь перед нашими глазами снова открывается этот город. Когда писали те авторы, которых мы называем классическими, сожженные руины уже давно лежали под развалинами последующих поселений. И на вопрос «Где находился Илион?» ответа не было ни у кого. Даже сама легенда уже не была привязана к определенному месту. Но конечно, когда зародилась поэма, дело обстояло по-другому: будем ли мы звать нашего поэта Гомером или поставим на его место целую толпу безымянных бардов – когда родилось поэтическое предание, в этих местах все еще должна была сохраняться традиция о том, что царская крепость стояла в точности на этом горном отроге. Бесполезно пытаться оспорить тот факт, что поэт видел эти места своими глазами. Кем бы ни был «божественный бард», он определенно стоял на этом холме, на Гиссарлыке (то есть на Замковом или Крепостном холме) и смотрел с него на землю и море. Ни в каком другом случае он не мог бы вложить в свою поэму столько верности природе. В кратком очерке² я описал Троянскую область такой, какова она теперь, и, сравнивая мое описание с тем, что говорит об этой местности «Илиада», любой из нас может сказать, возможно ли, что поэт, живущий вдали отсюда, мог выработать в своем собственном воображении столь верное изображение земли и народа, как то, что содержится в «Илиаде».

К этому следует добавить еще одно соображение. «Илиада» – это не просто эпос, повествующий о делах человеческих: в этом споре людей принимает участие великий сонм олимпийских богов, действующих и страдающих. Поэтому случилось так, что «Илиада» стала особенной, религиозной книгой, своего рода Библией греков и отчасти – римлян. Об этом не следует забывать. Поэтому я особо обращаю внимание на тот факт, что сцена, на которой действуют боги, обрисована гораздо шире, чем поле деятельности людей. По своему содержанию поэма простирается гораздо дальше Троянской долины. Граница «Илиады» там, где глаз находит пределы долины, – на величественных вершинах Иды и Самофракийском пике, где рождаются облака и обитают бури. Кто мог бы поведать нам такую историю о богах со столь подробной и точной локализацией, если не тот, кто сам наблюдал явленные здесь величественные природные феномены? Кто же, если не тот, кто целые дни и недели смотрел на то, как они сменяют друг друга?

Вопрос об «Илиаде» – это не просто древний вопрос «*Ubi Ilium fuit?*»^{3*}. Нет, этот вопрос затрагивает целое. Мы не должны отделять историю богов от истории людей. Поэт, который пел об Илионе, нарисовал вместе с тем портрет всей Трояды. Ида и Самофракия, Тенедос и Геллеспонт, Калликоллона и вал Геракла, Скамандр и погребальные курганы героев – все это являлось перед глазами увлеченного слушателя. И все это неразделимо. Поэтому не нам решать и выбирать, где находился Илион. Мы должны найти место, которое отвечает всем требованиям поэмы. Поэтому мы вынуждены сказать: *здесь*, на крепостном холме Гиссарлык, – *здесь*, на месте руин сожженного Золотого города, – *здесь был Илион*.

И поэтому трижды счастлив тот, на чью долю пришлось уже в зрелом возрасте осуществить мечты своего детства и обнаружить Сожженный город. Каково бы ни было признание современников, никто не сможет лишить его сознания того, что он разрешил великую тысяче-

² См. приложение I. Троя и Гиссарлык.

^{3*} Где был Илион? (*лат.*)

летнюю загадку. Варварская власть, которая тяжким бременем легла на эту землю, в общем и целом сохранила состояние земли и обычаи человеческой жизни в Троаде на том же уровне, как тогда, когда она утвердила здесь свое иго. Таким образом, сохранилось многое из того, что в других местах, скорее всего, было бы уничтожено постоянными сельскохозяйственными работами. Шлиман проводил свои раскопки как будто бы на девственной почве. У него хватило смелости копать все глубже и глубже, снять целые горы мусора и щебня, и наконец он увидел перед собой сокровище, которое он искал и о котором мечтал, в его вещественной реальности. И теперь искатель сокровищ превратился в ученого, который в ходе долгого и серьезного исследования сравнил факты своего опыта, а также утверждения историков и географов с легендарными традициями поэтов и мифологов. Пусть та работа, которую он завершил, станет для многих тысяч людей источником познания и радости и прославит самого Шлимана в веках!

Берлин, 10 сентября 1880

Рудольф Вирхов^{4*}

---

^{4*} Вирхов Рудольф (1821—1902) – немецкий ученый, врач и общественный деятель.

Введение

Автобиография автора и рассказ о его работе в Трое

Достопочтенному ару Остингу Генри Лэйарду, рыцарю Большого креста ордена Бани, доктору гражданского права, пионеру в открытии утраченной истории древних городов Западной Азии с помощью мотыги и лопаты, за добрую и действительную помощь в раскопках Трои в качестве посланника при Блистательной Порте посвящает эту работу с уважением и признательностью.

Автор

§ I. Детство и коммерческая деятельность: с 1822 до 1866 года

Если я начинаю эту книгу со своей автобиографии, то делаю это отнюдь не из чувства тщеславия, но из желания показать, что труд моей последующей жизни стал естественным следствием впечатлений, которые я получил в самом раннем детстве, и что, образно говоря, мотыга и лопата для раскопок в Трое и царских гробницах Микен были выкованы и заточены в той немецкой деревушке, где в раннем детстве я провел восемь лет. Я также считаю необходимым рассказать, как я получил средства, которые позволили мне на закате жизни осуществить великие цели, которые я поставил перед собою, будучи еще бедным маленьким мальчиком. Однако я льщу себя надеждой, что то, как я распорядился своей жизнью, а также то, как я использовал свое богатство, заслужило всеобщее одобрение и что моя автобиография может помочь распространить среди образованной публики во всех странах вкус к высоким и благородным занятиям, которые поддерживали мою отвагу в ходе тяжелых испытаний моей жизни и которые станут отрадой на все оставшиеся мне дни.

Я родился 6 января 1822 года в маленьком городке Ной-Буков в Мекленбург-Шверине, где мой отец⁵ Эрнест Шлиман был протестантским священником и откуда в 1823 году он был избран на ту же должность в приход деревни Анкерсхагена между Вареном и Пенцлином в том же герцогстве. Именно в этой деревне я и провел восемь последующих лет моей жизни; и мое естественное расположение к таинственному и волшебному переросло в настоящую страсть благодаря чудесам той местности, где я жил. Говорили, что беседку в нашем саду посещает призрак предшественника моего отца, пастора фон Руссдорфа; и как раз за нашим садом был пруд под названием Das Silberschälchen^{6*}, из которого, как считалось, каждую полночь поднималась дева, державшая в руках серебряную чашу. Еще в деревне был маленький холм, окруженный рвом, возможно доисторический курган (или так называемая Hünengrab)⁷, в котором, как гласила легенда, в древние времена рыцарь-разбойник похоронил своего любимого ребенка в золотой колыбели. Говорили, что в руинах круглой башни в саду владельца деревни были погребены великие сокровища. Я так был уверен в существовании этих сокровищ, что каждый

---

⁵ Скончался в ноябре 1870 года в возрасте девяноста лет.

^{6*} Серебряная чашечка (нем.).

⁷ Это погребение все еще существует, и, когда недавно я вновь посетил Анкерсхаген, я от всей души посоветовал его нынешнему собственнику, превосходному г-ну Э. Винкельману, и его очаровательной супруге, которых я должен сердечно поблагодарить за щедрое гостеприимство, раскопать погребение, поскольку весьма вероятно, что они найдут здесь если и не золотую колыбель, то весьма интересные доисторические древности.

раз, когда я слышал, что мой отец жалуется на бедность, удивлялся, почему же он не выкопает серебряную чашу или золотую колыбель и не разбогатеет.

Кроме того, в Анкерсхагене был средневековый замок, стены которого имели толщину 6 футов, и в них был тайный проход; подземная дорога, якобы длиной 5 миль, выходила из замка и проходила под глубоким озером Шпек; говорили, что там водятся страшные привидения, и все селяне говорили о ней с ужасом⁸. Существовала легенда, согласно которой в замке некогда обитал рыцарь-разбойник по имени Хеннинг фон Хольстайн, которого в народе звали Хеннинг Браденкирль: его боялись по всей стране, ибо он грабил и захватывал все, что мог. Однако, к великому его неудовольствию, герцог Мекленбургский даровал охранные грамоты многим купцам, которым приходилось проезжать мимо его замка. Желая отомстить герцогу, Хеннинг смиренно попросил его оказать ему честь и посетить его. Герцог принял его приглашение и в назначенный день прибыл с большой свитой. Однако некий пастух, который был посвящен в план Хеннинга убить своего гостя, спрятался в подлеске у дороги за холмом, который отстоит примерно на милю от нашего дома, и стал ждать герцога, которому он открыл злодейский замысел своего хозяина, и герцог, конечно, немедленно вернулся. Поэтому, говорят, тот холм и называется Вартенсберг, или холм Стражи. Хеннинг, узнав о том, что план его провалился по вине пастуха, в отместку изжарил этого человека живьем на большой железной сковороде да еще и пнул его напоследок левой ногой, когда тот уже умирал. Вскоре после этого герцог явился с полком, осадил замок и захватил его. Когда Хеннинг увидел, что ему не спастись, он сложил все свои сокровища в ящик и зарыл их вблизи круглой башни в своем саду (ее руины все еще существуют), а затем покончил с собой. Говорили, что могила злодея в нашем церковном дворе отмечена длинным рядом плоских камней и из нее веками вырастала его левая нога в черном шелковом чулке⁹. И пономарь Пранге, и ризничий Веллерт клялись, что в детстве они сами отрезали эту ногу и использовали ее кость, чтобы сшибать груши с деревьев, однако в начале нашего века нога внезапно перестала расти. В своей детской простоте я, конечно, верил во все это; я даже часто просил своего отца разрыть могилу или позволить мне раскопать ее, чтобы посмотреть, почему же нога больше не растет.

Еще очень глубокое впечатление на мой ум произвел терракотовый рельеф с изображением человека на задней стене замка; говорили, что это портрет самого Хеннинга Браденкирля. Поскольку к нему не приставала никакая краска, то в народе считали, что он был покрыт кровью пастуха, которую нельзя было стереть. Считалось, что закрытый камин в зале был тем самым местом, где пастуха поджарили на железной сковороде. Хотя остов этой ужасной печи изо всех сил пытались уничтожить, тем не менее он все равно был виден; и это также считали знаком Провидения, которое не желало, чтобы сие дьявольское дело позабылось.

Я также верил в историю о том, как г-н фон Гундлах, собственник соседней деревни Румсхаген, раскопал курган близ церкви и обнаружил в нем большие деревянные бочки с римским пивом.

Хотя отец мой не был ни ученым, ни археологом, он горячо интересовался древней историей. Нередко он с восторженным энтузиазмом рассказывал мне о трагической судьбе Геркуланума и Помпей и, кажется, почитал тех, у кого были средства и время посетить эти раскопки, счастливейшими из людей. Он также рассказывал мне с восхищением о великих деяниях гомеровских героев и о событиях Троянской войны и всегда находил во мне горячего сторонника троянцев. С величайшим огорчением услышал я от него, что Троя была разрушена настолько,

---

⁸ В этом самом замке знаменитый немецкий переводчик Гомера, Й.Х. Фосс, работал гувернером и был очень несчастен. См. работу доктора Фр. Шли (Schlie) Шлиман и его труды со ссылкой на книгу В. Хербста (Herbst) .Иоганн Генрих Фосс. (Т. I. С. 46).

⁹ Согласно преданию, одна из этих ног была похоронена прямо перед алтарем. Как ни странно, когда несколько лет назад церковь в Анкерсхагене ремонтировали, то, как уверяет меня мой кузен, преподобный Ханс Беккер, на небольшой глубине перед алтарем была найдена одиночная кость ноги.

что исчезла, не оставив никаких следов своего существования. Следовательно, можно представить мою радость, когда в возрасте примерно восьми лет я получил в 1829 году от отца в качестве рождественского подарка «Всемирную историю для детей» доктора Георга Людвига Еррера¹⁰, в которой была гравюра, изображающая горящую Троию с ее огромными стенами и Скейскими воротами, из которых бежал Эней, неся своего отца Анхиза на спине и ведя за руку сына Аскания. Я воскликнул: «Отец, вы ошибаетесь: должно быть, Еррер видел Троию, иначе он не мог бы изобразить ее здесь». – «Сын мой, – отозвался он, – этот рисунок – лишь плод воображения». Однако на мой вопрос, действительно ли древняя Троя имела такие огромные стены, как показано в этой книжке, отец ответил утвердительно. «Отец, – возразил я, – если некогда такие стены действительно существовали, то они не могли быть полностью разрушены; должны были остаться их большие руины, они просто скрыты под пылью веков». Отец утверждал обратное, и наконец оба мы согласились на том, что когда-нибудь я должен раскопать Троию.

Что бы ни лежало у нас на сердце, будь то радость или горе, всегда у нас на устах, особенно в детстве; так что с детьми, с которыми я играл, я не говорил ни о чем, кроме Трои и всех тех тайн и чудес, которыми изобилвала наша деревня. Надо мною постоянно все смеялись, за исключением двух маленьких девочек, Луизы¹¹ и Минны¹² Майнке, дочерей фермера в Царене, деревеньке, которая примерно на милю отстояла от Анкерсхагена; первая из них была старше меня на шесть лет, вторая – моя ровесница. Они не только не смеялись надо мною, но, напротив, всегда слушали меня с глубочайшим вниманием, особенно Минна, которая чрезвычайно симпатизировала мне и принимала участие во всех моих грандиозных планах на будущее. Между нами возникла теплая привязанность, и в нашей детской простоте мы обменялись клятвами вечной любви. Зимой 1829/30 года мы оба брали уроки танцев, то в доме моей маленькой невесты, то в нашем, то в старом замке с привидениями, где тогда обитал фермер г-н Хельдт, и там, с тем же глубоким интересом, мы созерцали кровавый бюст Хеннинга, страшный остов зловещего очага, тайные проходы в стенах и вход в подземную дорогу. Когда урок танцев проходил в нашем доме, мы или ходили на кладбище, которое было у наших дверей, чтобы посмотреть, не выросла ли снова наружу нога Хеннинга, или сидели в восхищении перед церковными книгами, написанными рукою Иоганна Христиана фон Шредера и Готтфридриха Генриха фон Шредера – отца и сына, которые занимали место моего отца с 1709 по 1799 год; древнейшие записи о рождениях, свадьбах и смертях, занесенные в эти регистры, имели для нас особое очарование. Иногда мы посещали дочь младшего пастора фон Шредера¹³, которой тогда было восемьдесят четыре года и которая жила рядом с нами, чтобы расспросить ее об истории деревни или посмотреть на портреты ее предков; особенно мы любили портрет ее матери, Ольгарты Кристины фон Шредер, скончавшейся в 1795 году, отчасти потому, что мы почитали его шедевром, а отчасти потому, что он был похож на Минну.

Мы часто заходили и к деревенскому портному Веллерту, который был одноглазым и одноногим, и поэтому его прозвали Петер Хюпперт, то есть Прыгающий Петер. Он был неграмотен, но обладал поразительной памятью, так что мог повторить проповедь моего отца слово за словом после того, как слышал ее в церкви. Этот человек, который, если бы у него было университетское образование, мог бы стать одним из величайших ученых в этом мире, был полон остроумия и чрезвычайно возбуждал наше любопытство своим неистощимым запасом всяческих историй, которые он рассказывал с поразительным ораторским мастерством. Приведу лишь

¹⁰ *Jerrer G.L. Universal History. Nrnberg, 1828.*

¹¹ В 1838 году Луиза стала счастливой супругой преподобного Э. Фрелиха и теперь проживает в Ной-Бранденбурге (Мекленбург).

¹² Минна Майнке в 1846 году вышла замуж за превосходного фермера по фамилии Рихерс, и теперь они счастливо живут во Фридланде, Мекленбург.

¹³ Скончалась в 1844 году в возрасте девяноста восьми лет.

одну из них. Он рассказал нам, как, желая знать, улетают ли аисты на зиму, во время предшественника моего отца, патера фон Руссдорфа, поймал одного из аистов, которые строили свои гнезда на амбаре, и привязал к его ноге кусочек пергамента, на котором по его просьбе пономарь Пранге написал, что сам он, пономарь и портной Веллерт в деревне Анкерсхаген в Мекленбург-Шверине, смиренно просит владельца того амбара, на котором аист вьет свое гнездо зимой, сообщить им, как называется его страна. Когда он снова поймал того аиста весной, к его ноге был привязан другой кусочек пергамента, на котором стихами на плохом немецком был написан такой ответ:

Про Мекленбург-Шверин здесь и не знают,
Страну, куда аисты прилетают,
Святого Иоанна землей называют.

Конечно, мы во все это верили и отдали бы годы своей жизни, чтобы узнать, где же находилась эта таинственная земля Святого Иоанна. Если этот и подобные ему рассказы и не улучшили наших знаний по географии, по крайней мере, они возбудили в нас желание знать ее лучше и разожгли нашу страсть ко всему таинственному.

Наши уроки танцев не принесли ни Минне, ни мне никакой пользы – то ли потому, что от природы у нас не было дара к этому занятию, то ли потому, что наши умы были слишком заняты важными археологическими изысканиями и планами на будущее.

Мы договорились, что, как только вырастем, поженимся и тогда немедленно займемся исследованием всех тайн Анкерсхагена; выроем золотую колыбель, серебряную чашу, огромные сокровища, которые спрятал Хеннинг, потом – могилу Хеннинга и, наконец, раскопаем Трою; мы не могли вообразить себе ничего приятнее, чем потратить всю нашу жизнь на то, чтобы откапывать реликвии прошлого.

Благодарение Богу, моя твердая вера в существование Трои никогда не покидала меня во всех превратностях моей насыщенной событиями карьеры; однако мне суждено было только на закате жизни и уже без Минны – или, скорее, вдали от нее – осуществить наши светлые мечты полувековой давности.

Отец мой не знал греческого, однако знал латинский и пользовался каждой свободной минутой, чтобы преподавать его мне. Когда мне было от силы девять лет, умерла моя дорогая матушка; это была невозвратимая потеря, возможно величайшая из тех, что могли выпасть на долю мою и моих шести братьев и сестер¹⁴. Однако кончина моей матери совпала с другим несчастьем, в результате которого все наши знакомые внезапно отвернулись от нас и отказались общаться с нами далее. Другие были мне безразличны, но больше не видеть семейство Майнке, вовсе расстаться с Минной – никогда снова не видеть ее – это было в тысячу раз болезненнее для меня, нежели кончина моей матери, о которой я вскоре позабыл под грузом подавляющего горя от потери Минны. Позднее в жизни я перенес множество различных несчастий в разных частях света, но ни одно из них никогда не причинило мне и тысячной доли той скорби, которую я почувствовал в возрасте девяти лет из-за расставания с моей маленькой невестой. Обливаясь слезами, один, я часами стоял перед портретом Ольгарты фон Шредер, вспоминая в своем несчастье счастливые дни, которые я провел в обществе Минны. Будущее казалось мне темным, и все таинственные чудеса Анкерсхагена и даже сама Троя на время потеряли для меня интерес. Увидев мое отчаяние, отец послал меня на два года к своему брату, преподавателю

---

¹⁴ Оба моих брата умерли. Из моих четырех сестер только старшая, Элиза, осталась незамужней. Вторая, Дорис, состояла в счастливом браке с покойным секретарем Гансом Петровски в Ребеле (Мекленбург); третья, Вильгельмина, счастливо замужем за профессором Вильгельмом Кузе в Дилленбурге (Гессен-Кассель), а четвертая, Луиза, счастливо замужем за учителем Мартином Пехелем в Даргуне (Мекленбург).

ному Фридриху Шлиману¹⁵, который был пастором в деревне Калькхорст в Мекленбурге, где в течение одного года я имел счастье иметь своим учителем кандидата Карла Андреса¹⁶ из Ной-Штрелица; и под руководством этого великолепного филолога я продвинулся столь далеко, что на Рождество 1832 года я смог подарить своему отцу дурно написанное латинское сочинение о главных событиях Троянской войны и о приключениях Улисса и Агамемнона. В возрасте одиннадцати лет я поступил в гимназию в Ной-Штрелице, где меня поместили в третий класс. Однако именно в это время великая катастрофа постигла нашу семью, и, опасаясь, что у моего отца в течение нескольких лет не будет средств, чтобы содержать меня, я ушел из гимназии, пробыв там только три месяца, и пошел в «реальную школу» (Realschule) в том же городе, где меня поместили во второй класс. Весной 1835 года я перешел в первый класс, который я покинул в апреле 1836 года в возрасте четырнадцати лет, чтобы стать подмастерьем в небольшом магазине бакалейщика Эрнеста Людвиг Хольца¹⁷ в небольшом городке Фюрстенберге в Мекленбург-Штрелице.

За несколько дней до моего отъезда из Ной-Штрелица, в Страстную пятницу 1836 года, я случайно встретился с Минной Майнке, которую не видел более пяти лет, в доме г-на К.Э. Лауэ¹⁸. Я никогда не забуду этой встречи, моей последней встречи с нею. Она очень выросла, и теперь ей было четырнадцать. Она была одета в простое черное платье, и простота ее наряда, казалось, подчеркивала ее чарующую красоту. Когда мы посмотрели друг на друга, то оба разрыдались и упали друг другу в объятия, не в силах ничего сказать. Мы много раз пытались говорить, однако наши чувства были слишком сильны; ни один из нас не мог выговорить ни слова. Однако вскоре в комнату вошли родители Минны, и нам пришлось расстаться. Прошло много времени, прежде чем я опомнился. Теперь я был уверен, что Минна все еще любит меня. С той самой минуты я почувствовал внутри себя бесконечную энергию и был уверен, что неустанным усердием я смогу подняться в этом мире и показать, что я достоин ее. Я только молил Бога, чтобы она не вышла замуж до того, как я добьюсь независимого положения.

Я работал в маленьком бакалейном магазине в Фюрстенберге пять с половиной лет; первый год у г-на Хольца и потом у его наследника, превосходного г-на Теодора Хюкстедта¹⁹. Мое занятие состояло в том, чтобы торговать в розницу селедкой, маслом, картофельным виски, молоком, солью, кофе, сахаром, маслом и свечами; я должен был толочь картошку, чтобы гнать из нее виски, подметать магазин и т. п. Наше дело было настолько мелким, что все наши продажи от силы составляли 3 тысячи талеров, то есть 450 фунтов в год; мы считали необыкновенной удачей, когда удавалось в день продать бакалейных товаров больше чем на 2 фунта стерлингов. Конечно, здесь я общался только с нижними классами общества. Я работал с пяти утра до одиннадцати вечера, и у меня не было ни одной свободной минуты на учение. Более того, я быстро позабыл то небольшое, что выучил в детстве. Однако я не утратил любви к учению; в самом деле, я никогда не терял ее, и, пока я жив, я никогда не забуду того вечера, когда в магазин зашел пьяный мельник. Звали его Герман Нидерхеффер. Он был сыном протестантского священника в Ребеле (Мекленбург) и почти закончил свое обучение в гимназии в Ной-Руппине, откуда его выгнали из-за плохого поведения. Не зная, что делать с ним, отец отдал его в учение к фермеру Лангерману в деревне Дамбек; и, поскольку и там его поведение было отнюдь не образцовым, он снова отдал его в учение на два года к мельнику Деттману в Гюстрове. Недовольный своей судьбою, молодой человек предался пьянству, которое, однако, не

---

¹⁵ Скончался в 1861 году.

¹⁶ Кандидат Карл Андрес теперь библиотекарь в библиотеке великого герцога и хранитель в музее древностей в Ной-Штрелице.

¹⁷ Скончался в 1836 году.

¹⁸ Г-н Лауэ умер в 1860 году, однако госпожа Лауэ, которой теперь восемьдесят четыре, все еще живет в Ной-Штрелице, где автор недавно встречался с нею.

¹⁹ Т. Хюкстедт умер в 1872 году, однако это мелкое бакалейное дело продолжает его почтенная вдова и ее зять, г-н Мейер.

заставило его забыть то, что он знал из Гомера; ибо в тот вечер, когда он вошел в магазин, он продекламировал нам примерно сто строк поэта, соблюдая ритмическую каденцию стихов²⁰. Хотя я не понимал ни одного слога, мелодичное звучание слов произвело на меня глубокое впечатление, и я стал проливать горькие слезы над своей несчастной судьбой. Три раза я заставил его повторить мне эти божественные стихи, вознаградив его за труды тремя стаканами виски, которые я купил за те несколько монет, что составляли все мое состояние. С той самой минуты я никогда не переставал молить Бога, чтобы Он Своей милостью даровал мне счастье выучить греческий.

Однако казалось, что у меня нет никакой надежды вырваться из того злосчастного и низкого положения, в котором я оказался. И, однако, как бы чудом я вырвался. Подняв слишком тяжелый для меня бочонок, я повредил себе грудь, начал харкать кровью и больше уже не мог работать. В отчаянии я отправился в Гамбург, где мне удалось найти место с ежегодной зарплатой 180 марок, или 9 фунтов стерлингов: сначала в бакалейном магазине Линдемана-младшего на рыбном рынке в Альтоне и потом в магазине Э.Л. Дейке-младшего на углу Мюрета и Маттен-Твите в Гамбурге. Однако поскольку я не мог делать тяжелую работу из-за слабости груди, мои наниматели нашли меня бесполезным; отовсюду меня увольняли, после того как я проработал только восемь дней. Видя невозможность найти место продавца в бакалейном магазине и подталкиваемый необходимостью найти любую работу, какой бы грязной она ни была, просто чтобы заработать себе на жизнь, я попытался найти место на борту корабля, и по рекомендации добрейшего корабельного маклера г-на Й.Ф. Вендта, уроженца Штернберга в Мекленбурге, который в детстве воспитывался с моей покойной матушкой, мне удалось найти место стюарда на борту маленького брига «Доротей», которым командовал капитан Симонсен; владельцами его были купцы Вахсмут и Кроогманн из Гамбурга; направлялся он в Ла-Гуайру в Венесуэле.

Я всегда был беден, но никогда еще не оказывался в такой отчаянной нищете, как в то время; мне даже пришлось продать свое пальто, чтобы купить одеяло. 28 ноября 1841 года мы оставили Гамбург при попутном ветре; однако через несколько часов ветер стал встречным, и, таким образом, нам пришлось простоять три дня в реке Эльбе близ Бланкенезе, пока 1 декабря ветер опять не стал попутным. В тот день мы прошли Куксхавен и вышли в открытое море, однако едва мы добрались до Гельголанда, как ветер снова стал западным и оставался таковым до 12 декабря. Мы постоянно поворачивали на другой галс, однако почти или совсем не продвигались вперед, вплоть до ночи с 11 на 12 декабря, когда мы потерпели крушение во время страшного шторма у берега острова Тексель, на банке, которая называлась De Eilandsche Grond. Избежав бесчисленных опасностей, после того как нас в течение девяти часов бросало по воле стихий в крошечной открытой лодке, вся команда, состоявшая из девяти человек, спаслась. Я всегда буду вспоминать с благодарностью Небесам тот радостный момент, когда нашу лодку выбросило прибоем на берег Текселя и все опасности были позади. Я не знал, в какую страну мы попали, но я понял, что это за граница. У меня было такое чувство, как будто бы на этой банке какой-то голос прошептал мне, что в моих земных делах настал прилив и что мне

---

²⁰ Этому Герману Нидерхефферу теперь шестьдесят шесть лет; он живет довольно благополучно в Ребеле, где автор недавно с ним встретился и сразу узнал его по тому пафосу, с которым он декламировал Гомера, а также и по другим приметам. Родился он в 1813 году, и ему было двадцать четыре года, когда в 1837 году он вошел в магазинчик Эрнеста Людвиг Хольца в Фюрстенберге, где автор был учеником. После этого в течение семи лет (в общем и целом – в течение десяти лет) он оставался мельником-поденщиком, работая во множестве различных мест в Германии. В 1844 году он вернулся к своей семье в Ребель и благодаря влиянию своих родственников получил работу общинного секретаря в Вреденхагене и оставался в этой должности в течение четырех лет, пока в 1848 году магистрат Ребеля не дал ему работу сборщика податей на заставе. Получив эту должность, он немедленно женился на прекрасной женщине, которая заставила его совершенно отказаться от алкогольных напитков, так что он оставался на том же месте в течение тридцати одного года, оставив его только весной 1879 года, когда он ушел на пенсию и поселился в Ребеле. Как ни удивительно, несмотря на все превратности своей полной событиями жизни, он не забыл ни Гомера, ни Вергилия и все еще декламирует их с тем же горячим энтузиазмом, как и сорок три года назад в магазинчике в Фюрстенберге.

нужно лишь следовать за волной. Моя уверенность подтвердилась, когда в самый день нашего прибытия нашли и подобрали плавающим на волнах мой маленький сундучок, в котором было несколько рубашек и чулок, а также моя записная книжка с рекомендательными письмами в Ла-Гуайру, которые дал мне г-н Вендт – в то время как все мои товарищи и сам капитан потеряли все. Из-за этого странного события меня прозвали Ионой, и так меня называли все время, пока мы оставались на Текселе. Нас любезно приняли там консулы Зондердорп и Рам, которые предложили послать меня вместе с остальной командой через Харлинген обратно в Гамбург. Однако я отказался возвращаться в Германию, где я был так страшно несчастен, и сказал им, что я считаю, что судьба судила мне остаться в Голландии и что я хочу поехать в Амстердам, чтобы записаться там в солдаты, поскольку я был совершенно нищ и в тот момент не знал, как еще я мог бы заработать себе на жизнь. Итак, по моей настоятельной просьбе господ Зондердорп и Рам заплатили 2 гульдена (3 шиллинга 4 пенса) за мой проезд в Амстердам.

Теперь ветер стал южным, и небольшой кораблик, на котором я путешествовал, должен был остановиться на день в городке Энкхойзен, и нам понадобилось не меньше трех дней, чтобы добраться до голландской столицы. При этом переезде я страшно страдал из-за недостатка одежды. Сначала в Амстердаме судьба не улыбалась мне. Началась зима; у меня не было пальто, и я страшно страдал от холода. Мое намерение поступить в солдаты не могло осуществиться так скоро, как я воображал; и те несколько флоринов, которые я собрал в качестве милостыни на острове Тексель и в Энкхойзене, а также те 2 флорина, которые я получил от г-на Квака, мекленбургского консула в Амстердаме, были скоро потрачены в таверне господ Граальман в Рамскее в Амстердаме, где я остановился. Поскольку жить мне было совершенно не на что, я притворился больным, и меня забрали в больницу. Из этого ужасного положения спас меня уже упомянутый любезный корабельный маклер, г-н Вендт²¹ из Гамбурга, которому я написал из Текселя, сообщив ему о кораблекрушении и о моем решении искать счастья в Амстердаме. По счастливой случайности он получил мое письмо в тот момент, когда обедал с многочисленной компанией друзей. Рассказ о постигшем меня несчастье возбудил всеобщее сочувствие, и для меня немедленно была организована подписка, в результате которой образовалась сумма 240 флоринов (20 фунтов), которую он послал мне через консула Квака. В то же самое время он рекомендовал меня превосходному генеральному консулу Пруссии в Амстердаме, г-ну В. Хепнеру²², который добился для меня места в фирме г-на Ф.К. Квина²³.

В моем новом положении моя работа состояла в том, что я наклеивал марки гербового сбора на векселя и обналичивал их в городе, а также носил письма с почты и на почту. Это механическое занятие подходило мне, поскольку оно оставляло мне время, чтобы подумать об образовании, которым я до сих пор пренебрегал.

В первую очередь я позаботился о том, чтобы научиться писать разборчиво, и преуспел в этом после двадцати уроков у знаменитого каллиграфа Магне из Брюсселя. После этого, чтобы добиться повышения, я стал изучать современные языки. Моя ежегодная зарплата составляла только 800 франков (32 фунта), половину из которых я тратил на свои занятия; на другую половину я жил – достаточно бедно, конечно. Моя квартира, которая стоила 8 франков в месяц, представляла собой жалкий чердак без огня, где я дрожал от холода зимой и изнывал от жары летом. Мой завтрак состоял из ржаной каши, и обед никогда не стоил больше 2 пенсов. Однако ничто не подвигает человека к учению сильнее, чем нищета и определенная перспектива вырваться из нее с помощью неустанного труда. Кроме того, желание показать себя достойным Минны создало и развило во мне бесконечную отвагу. Я с необычайным старанием

---

²¹ Мой благодетель Й.Ф. Вендт скончался в январе 1856 года.

²² Консул Хепнер умер в 1870 году.

²³ Коммерческий дом Ф.К. Квина все еще существует в Амстердаме под тем же самым названием. Основатель фирмы скончался, но два его сына, Чарльз и Джордж Квины, которые уже были партнерами фирмы в то время, когда автор впервые попал в нее в начале 1842 года, оба еще живы.

стал изучать английский. Необходимость научила меня способу, который очень облегчает изучение языка. Этот метод состоит в том, чтобы много читать вслух без перевода, брать по уроку в день, постоянно писать сочинения на интересные темы и исправлять их под наблюдением преподавателя, учить их наизусть и повторять на следующем уроке то, что было исправлено днем раньше. Память у меня была плохая, поскольку с детства я не упражнял ее ни на чем; однако я использовал каждую минуту и даже крал время для учения. Чтобы быстро добиться хорошего произношения, я дважды каждое воскресенье ходил в английскую церковь и тихо повторял каждое слово из проповеди священника. Я никогда не ходил по поручениям, даже под дождем, без книги в руке, заучивая что-нибудь наизусть; и я никогда не ждал на почте без чтения. Такими способами я постепенно укрепил свою память, и через три месяца я уже мог без труда прочесть по памяти своему учителю, г-ну Тейлору, на каждом ежедневном уроке, слово в слово, двадцать печатных страниц, прочтя их внимательно три раза. Таким образом я заучил целиком «Векфильдского священника» Голдсмита и «Айвенго» сэра Вальтера Скотта. От перевозбуждения я почти не спал и эти бессонные ночные часы использовал на то, чтобы повторять то, что я прочел предыдущим вечером. Поскольку память всегда гораздо больше сконцентрирована ночью, чем днем, *я нашел, что эти ночные повторения полезны в самой высшей степени.* Таким образом в течение полугода я выучил английский язык в совершенстве.

Затем я применил тот же метод к изучению французского, трудности которого также преодолел за шесть месяцев. Из французских авторов я наизусть выучил целиком «Приключения Телемака» Фенелона и «Поля и Виргинию» Бернардена де Сен-Пьера. Такое непрерывное учение в течение года усилило мою память настолько, что изучение голландского, испанского, итальянского и португальского показалось мне очень легким, и, чтобы начать писать и говорить бегло на каждом из этих языков, мне понадобилось не более шести недель.

То ли от постоянного громкого чтения вслух, то ли от влажного голландского воздуха моя грудная болезнь постепенно исчезла в ходе первого года моего пребывания в Амстердаме и никогда более не возвращалась. Однако моя страсть к учебе заставила меня пренебрегать механической работой в фирме г-на Ф.К. Квина, особенно поскольку я начал считать, что она меня недостойна. Мое начальство не собиралось меня повышать; возможно, они считали, что человек, который не может работать в офисе прислугой, тем самым показывает свою неспособность к какой бы то ни было более высокой должности. Однако наконец, после вмешательства моих достойных друзей, Луи Штолля²⁴ из Маннхайма и Й.Х. Баллауфа²⁵ из Бремена, 1 марта 1844 года мне повезло получить работу корреспондента и бухгалтера в фирме г-д Б.Х. Шредера и компании в Амстердаме²⁶, которая наняла меня на зарплату 1200 франков (48 фунтов); однако, когда они увидели мое усердие, они, дабы поощрить меня, добавили еще 800 франков в год. Эта щедрость, за которую я всегда буду им благодарен, фактически послужила основанием моего благосостояния; ибо, поскольку я считал, что я могу стать еще более полезным, если выучу русский, я начал учить и этот язык. Но единственными русскими книгами, которые я смог достать, были старая грамматика, словарь и плохой перевод «Приключений Телемака». Несмотря на все свои усилия, я не смог найти преподавателя русского языка, поскольку, за исключением русского вице-консула, г-на Танненберга, который не согласился бы давать мне уроки, во всем Амстердаме не было никого, кто понимал бы хоть слово на этом языке. Так что я начал учить язык без учителя и с помощью грамматики за несколько дней выучил русские буквы и их произношение. Затем, следуя моему старому методу, я начал писать свои собственные рассказы и учить их наизусть. Поскольку никто не мог поправить мои работы, они,

²⁴ Г-н Л. Штолль до сих пор благополучно проживает в Маннхайме.

²⁵ Скончался в 1873 году.

²⁶ Дом Б.Х. Шредера и компании в Амстердаме до сих пор существует и продолжает процветать. Г-н Б.Х. Шредер умер в 1849 году, однако г-н Генри Шредер, тот самый, который лично нанял меня 1 марта 1844 года и уже тогда был партнером фирмы, все еще является одним из ее директоров.

несомненно, были очень плохи; однако в то же самое время я старался исправить свои ошибки практическими занятиями, выучивая русские «Приключения Телемака» наизусть. Мне пришло в голову, что я стану быстрее продвигаться вперед, если у меня будет хоть кто-то, кому я смогу рассказывать о приключениях Телемака; так что за 4 франка в неделю я нанял одного бедного еврея, который должен был приходить каждый вечер на два часа, чтобы слушать мои русские декламации, в которых он не понимал ни слова.

Поскольку полы комнат в обычных домах в Голландии состоят из одинарных досок, люди в нижнем этаже могут слышать то, что говорят на третьем этаже. Таким образом, мои громкие чтения причиняли неудобства другим жильцам, которые жаловались домохозяину, и, изучая русский, я был вынужден дважды менять квартиру. Однако все эти неудобства не уменьшили моего энтузиазма, и через шесть недель я написал свое первое письмо на русском языке г-ну Василию Плотникову, лондонскому агенту крупных торговцев индиго, г-д М., П. и Н. Малютиных²⁷ в Москве, и оказалось, что я могу свободно беседовать с ним и с русскими купцами Матвеевым и Фроловым, когда они приехали в Амстердам на аукционы индиго. Закончив свое изучение русского языка, я начал серьезно заниматься литературой на языках, которые выучил.

В январе 1846 года мои достойные директора послали меня в качестве своего агента в Санкт-Петербург. Здесь, как и в Москве, в течение первых двух месяцев мои старания увенчивались полным успехом, который далеко превосходил самые горячие ожидания моих нанимателей и мои собственные. Как только я стал необходимым для г-д Б.Х. Шредера и компании в моей новой карьере и таким образом добился практически независимого положения, я поторопился написать другу семьи Майнке, г-ну К.Э. Лауэ в Ной-Штрелиц, описав ему все мои приключения и умоляя его попросить немедленно для меня руки Минны. Однако, к ужасу моему, месяц спустя я получил от него ответ, разбивший мне сердце, – она только что вышла замуж. В то время я считал это разочарование величайшей трагедией, которая только могла постичь меня, и некоторое время я совершенно не мог делать никакую работу и лежал больной в постели. Я постоянно вспоминал все, что произошло между мною и Минной в раннем детстве, все наши сладкие мечты и широкие планы, в окончательном осуществлении которых я теперь видел блестящий шанс для меня; однако как мог я думать о том, чтобы осуществлять их без ее участия? Затем я снова и снова горько обвинял себя за то, что я не попросил ее руки перед отъездом в Санкт-Петербург; но я снова вспоминал, что я не мог сделать этого, не подвергшись насмешкам, поскольку в Амстердаме я был всего лишь клерком, в зависимом положении, подверженный капризу своих нанимателей; кроме того, я отнюдь не был уверен в своем успехе в Санкт-Петербурге, где меня мог ожидать полный провал. Я воображал себе, что ни она не может быть счастлива ни с кем, кроме меня, ни что я не смогу когда-либо жить с другой женой, кроме нее. Почему же судьба оказалась такой жестокой, оторвав ее от меня именно тогда, когда после шестнадцати долгих лет борьбы за то, чтобы приблизиться к ней, я, казалось, наконец преуспел в том, чтобы получить ее? Со мной и Минной как будто случилось то, что бывает с нами во сне, когда нам снится, что мы преследуем кого-то и никогда не можем догнать его, поскольку, как только мы догоняем его, он снова ускользает от нас. Я думал, что никогда не смогу пережить несчастье потери Минны в качестве спутницы жизни; однако время, которое лечит все раны, наконец исцелило и мою, так что, хотя я годами горевал по ней, все же смог продолжать свои купеческие занятия без дальнейших перерывов.

В мой первый год в Санкт-Петербурге мои действия были уже настолько успешны, что в начале 1847 года я был записан в гильдию, как настоящий купец. Но, несмотря на свои новые функции, я остался в связи с г-дами Б.Х. Шредером и компанией из Амстердама, которые были моими посредниками в течение почти одиннадцати лет. Поскольку в Амстердаме я узнал все об индиго, мои деловые операции были почти исключительно ограничены этим товаром; и, пока

---

²⁷ Три брата Малютины уже давно умерли, однако фирма продолжает процветать под тем же названием.

мое состояние не превысило 200 тысяч франков (8 тысяч фунтов), я никогда не давал кредит никому, кроме первостатейных купцов. Поэтому сначала я должен был довольствоваться очень небольшими доходами, однако мой бизнес был совершенно безопасным.

Не слыша ничего от моего брата Луи Шлимана, который в начале 1849 года эмигрировал в Калифорнию, я отправился туда весной 1850 года и узнал, что он умер. Таким образом, случилось так, что я был в Калифорнии тогда, когда 4 июля 1850 года она стала штатом, и все, кто жил в ней, тем самым стали натурализованными американцами, я с радостью воспользовался возможностью стать гражданином США.

В конце 1852 года я основал в Москве дочернюю фирму для оптовой торговли индиго, сначала под руководством моего превосходного агента, г-на Алексея Матвеева, и после его кончины – под заведованием его слуги Ющенко, которого я сделал купцом 2-й гильдии, считая, что способный слуга может легко стать хорошим директором, в то время как из директора никогда не получится хорошего слуги.

Поскольку в Санкт-Петербурге я всегда был по горло занят работой, я не мог продолжать там свои лингвистические исследования, и только в 1854 году я смог выучить шведский и польский языки.

Божественное провидение чудесным образом хранило меня, и не однажды лишь случайность спасала меня от очевидно верного разорения. На всю жизнь я запомню утро 4 октября 1854 года. Это было во время Крымской войны. Русские порты были блокированы, все товары, направлявшиеся в Санкт-Петербург, пришлось везти в прусские порты Мемель или Кенигсберг, а оттуда переправлять по суше. Сотни ящиков с индиго, а также большое количество других товаров было таким образом переправлено г-дами Б.Х. Шредером и компанией в Лондоне²⁸ и г-дами Б.Х. Шредером и компанией в Амстердаме от моего имени двумя пароходами моим агентам, г-дам Мейеру и компании в Мемеле, чтобы последние послали их по суше в Санкт-Петербург. Я только что вернулся с индиговых аукционов в Амстердаме, чтобы присмотреть за своими товарами в Мемеле, и поздно вечером 3 октября прибыл в «Отель де Прусс» в Кенигсберге, где, выглянув из окна своей спальни на другое утро, я увидел следующую зловещую надпись, выведенную большими золотыми буквами на башне соседних ворот²⁹, которые назывались *Das Grune Tor*^{30*}:

*Vultus fortunae variatur imagine lunae,
Crescit decrescit, constans persistere nescit*^{31*}.

Хотя я и не суеверен, эта надпись сильно подействовала на меня, и меня охватило что-то вроде паники, как будто бы надо мною нависло неведомое несчастье. Продолжая свое путешествие в почтовой карете, я с ужасом узнал на первой станции после Тильзита, что днем раньше весь город Мемель поглотил страшный пожар; когда я подъехал к городу, это, увы, слишком хорошо подтвердилось: город напоминал огромное кладбище, из которого почерневшие стены и трубы выступали, как надгробные камни, печальные памятники хрупкости всего земного. Почти в отчаянии я бежал среди дымящихся руин, пытаюсь отыскать г-на Мейера. Наконец я

---

²⁸ Дом г-д Д. Генри Шредера и компании в Лондоне и Гамбурге, с которым я имел счастье работать теперь уже в течение тридцати четырех лет, – одна из богатейших и наиболее выдающихся коммерческих фирм в мире. Старший партнер, достойный барон Джон Генри фон Шредер, которому теперь девяносто шесть лет, основатель знаменитого благотворительного фонда *Das Schrödersche Stift*, все еще управляет гамбургским отделением; его партнером является весьма способный г-н Фоглер. Лондонский дом управляется досточтимым бароном Д.Г.В. Шредером-младшим и его весьма способными партнерами, г-ном Генри Тиарксом и г-ном фон дер Меденом.

²⁹ Эти ворота были снесены в августе 1864 года в ходе строительных работ, устроенных муниципалитетом для усовершенствования города.

^{30*} Зеленые ворота (*нем.*).

^{31*} Фортуна и луна – суть у двоих одна: Растет и убывает, но прежней не бывает.

нашел его и спросил, в безопасности ли мои товары; вместо ответа он указал на дымящиеся склады и сказал: «Там они и похоронены». Удар был ужасным: в ходе восьми с половиной лет тяжелой работы в Санкт-Петербурге мне удалось отложить лишь 150 тысяч талеров, то есть 22 500 фунтов, и все это теперь уже было потеряно. Однако, как только я со всей уверенностью осознал, что разорен, мне удалось взять себя в руки. Меня очень утешало то, что у меня не было никаких долгов: это было только самое начало Крымской войны, и, поскольку все дела были очень ненадежны, я покупал только за наличные. Так что я решил, что г-да Б.Х. Шредер и компания в Амстердаме дадут мне кредит, и я был вполне уверен в том, что мне удастся возместить эту потерю с течением времени. Вечером, собираясь уже уезжать в почтовой карете в Санкт-Петербург, я рассказывал о своем несчастье другим пассажирам, когда один из присутствующих внезапно спросил мое имя и, услышав его, воскликнул: «Шлиман – единственный, кто ничего не потерял! Я – главный клерк фирмы «Мейер и компания». Когда прибыли пароходы с его товарами, наши склады были забиты до отказа, и нам пришлось соорудить рядом со складом деревянный барак, в котором вся его собственность лежит в целостности и неприкосновенности».

Внезапный переход от глубокой скорби к огромной радости трудно перенести без слез; на несколько минут я решился дара речи. Мне казалось, что это сон: я не мог поверить, что я один невредимым спасся от всеобщего разорения. Но это было именно так. Странно то, что пожар начался на каменном складе фирмы «Мейер и компания», на северном конце города, откуда из-за страшного ветра, который все время дул с севера, пламя быстро распространилось по всему городу; в то время как, под защитой того же самого ветра, деревянный барак остался невредимым, хотя он стоял лишь в нескольких ярдах к северу от склада. Таким образом мои товары сохранились, и я быстро продал их, и очень выгодно, снова и снова оборачивая деньги; я вел крупную торговлю индиго, красильным деревом и военными материалами (селитрой, серой и свинцом); и, поскольку капиталисты боялись вести крупные дела во время Крымской войны, я смог получить значительную прибыль и за год более чем удвоил свой капитал. В моих делах во время Крымской войны мне очень помогли огромный такт и способности моего агента и дорогого друга г-на Изидора Лихтенштейна, старшего партнера в фирме г-д Маркуса Кона и сына в Кенигсберге и его младшего партнера, г-на Людвиг Лео, который переправлял мне все мои транзитные товары с поистине поразительной быстротой.

Мое желание выучить греческий всегда было велико, но до Крымской войны я не осмеливался взяться за его изучение, ибо боялся, что этот язык слишком очарует и отвлечет меня от моих коммерческих дел; а во время войны я был так занят работой, что не мог даже читать газеты, не говоря уж о книге. Однако, когда в январе 1856 года первые новости о мире достигли Санкт-Петербурга, я уже не мог сдерживать свое желание учить греческий и немедленно энергично принялся за работу, взяв в качестве преподавателя сначала г-на Николаоса Паппадакеса, а потом г-на Теоклетоса Вимпоса; оба были родом из Афин, где последний из них теперь архиепископ. Я снова верно следовал моему старому методу; однако, чтобы быстро приобрести словарный запас в греческом, который показался мне гораздо труднее, чем даже русский, я достал современный греческий перевод «Поля и Виргинии» и тщательно прочел его, сравнивая каждое слово с его эквивалентом во французском оригинале. Когда я закончил этот труд, я знал по меньшей мере половину греческих слов в книге, и, повторив эту операцию, я уже знал их все, или почти все, не теряя ни одной минуты на то, чтобы смотреть в словарь. Таким образом, мне потребовалось не более шести недель, чтобы овладеть трудностями современного греческого, и затем я занялся древнегреческим; за три месяца я выучил этот язык достаточно, чтобы понимать некоторых древних авторов, и особенно Гомера, которого я читал и перечитывал с живейшим энтузиазмом.

Затем я почти два года занимался исключительно литературой Древней Греции; в это время я с любопытством прочел почти всех классических авторов и множество раз – «Илиаду»

и «Одиссею». Что касается греческой грамматики, то я выучил только склонения и глаголы и почти не терял своего драгоценного времени на то, чтобы овладеть ее правилами; ибо, когда я увидел, что мальчиков в течение восьми лет утомляют и мучают в школах утомительными правилами грамматики и тем не менее ни один из них не может написать ни буквы на древнегреческом без сотен страшных ошибок, я подумал, что метод, который применяют школьные учителя, должен быть неверен в принципе и что подробное знание греческой грамматики можно приобрести только на практике, – то есть внимательным чтением прозы классиков и заучиванием наизусть избранных мест из них. Следуя этому очень простому методу, я выучил древнегреческий так же, как я учил бы современный язык. Я могу писать на нем очень бегло на любую тему, с которой я знаком, и никогда не смогу забыть его. Я превосходно знаком со всеми его грамматическими правилами, даже не зная, содержатся они в грамматиках или нет; и каждый раз, когда кто-нибудь находит в моем греческом ошибку, я могу доказать, что прав я, просто прочитав вслух пассажи из классиков, где встречаются предложения, употребленные мною³².

Между тем мои купеческие дела в Санкт-Петербурге и Москве продолжались с постоянным благоприятством. Я был весьма осторожен в своем бизнесе, и, хотя я получил суровые удары во время страшного коммерческого кризиса 1857 года, они не сильно заделали меня, и даже в этом катастрофическом году мне в конце концов удалось получить некоторую прибыль.

Летом 1858 года я возобновил со своим другом, профессором Людвигом фон Муральтом³³, в Санкт-Петербурге мое изучение латинского языка, которое прервалось почти на двадцать пять лет. Теперь, когда я знал и современный, и древнегреческий, я нашел латинский язык достаточно легким и вскоре овладел всеми его трудностями.

Таким образом, я настоятельно рекомендую всем директорам колледжей и школ ввести тот метод, которому я следовал; избавиться от жуткого английского произношения греческого, которое не используют нигде вне Англии; сначала заставить детей выучить современный греческий с помощью профессоров-греков и начинать древнегреческий только тогда, когда они смогут бегло говорить и писать на современном языке, что едва ли может занять у них более шести месяцев. Те же самые преподаватели могут преподавать и древний язык, и, следуя моему методу, умные мальчики смогут овладеть всеми его трудностями за год, так что они не только выучат его как живой язык, но смогут и понимать древних классиков, и окажутся способными бегло писать на любую тему, с которой они знакомы.

Это не пустая теория, а факт, который, как известно, упрямая вещь, и к нему следует прислушаться. Жестоко и несправедливо годами навязывать несчастному ученику язык, о котором после окончания школы он, как правило, будет знать едва ли больше, чем знал, когда только начал учить его. Причинами этого жалкого результата, как правило, является своевольное и отвратительное произношение греческого, принятое в Англии; а во-вторых, используя

³² Я с удовольствием услышал от моего досточтимого друга, профессора Рудольфа Вирхова из Берлина, что он выучил классические языки подобным же образом; ибо он написал мне об этом следующее: «До тринадцати лет я брал частные уроки в небольшом городке в Померании. Моим последним учителем там был второй священник, который обычно заставлял меня переводить и писать очень много экспромтом; с другой стороны, он не заставлял меня учить наизусть ни одно грамматическое правило в строгом смысле этого слова. Таким образом, изучение древних языков доставляло мне большое удовольствие, так что я также часто делал переводы для себя, даже когда мне их не задавали. Когда меня послали в гимназию в Кослине, директору так понравился мой латинский, что вплоть до того времени, как я покинул школу, я оставался его любимчиком. С другой стороны, преподаватель греческого, профессор Грибен, который изучал теологию, не мог понять, как человек может делать хорошие греческие переводы, не зная слово в слово грамматику Буттмана, и он открыто обвинял меня в обмане. Даже когда, несмотря на всю его бдительность, профессор не мог уличить меня в каких-либо незаконных уловках, тем не менее он продолжал преследовать меня своей подозрительностью вплоть до моего *examen abiturientis* (выпускной экзамен в школе. – *лат.*). Он экзаменовал меня по греческому тексту Нового Завета, и, когда я успешно выдержал испытание, он заявил собравшимся преподавателям, которые единодушно дали мне положительную оценку, что он должен голосовать против меня, поскольку я не обладаю достаточно зрелой моралью, которая требуется для обучения в университете. К счастью, этот протест остался без последствий. Пройдя экзамен, я засел в своей комнате и выучил итальянский без всякой посторонней помощи».

³³ Профессор фон Муральт ныне проживает в Лозанне (Швейцария).

емый ошибочный метод, благодаря которому учащиеся привыкают полностью пренебрегать ударениями и считать их просто помехой, в то время как ударения дают огромное подспорье в изучении языка. Как было бы полезно для всеобщего образования и каким огромным стимулом для научных исследований послужило бы, если бы образованные молодые люди в течение восемнадцати месяцев могли полностью овладеть современным греческим и прекраснейшим, божественнейшим и наизвучнейшим языком, на котором говорили Гомер и Платон, и могли бы выучить его, как живой язык, так чтобы никогда не забывать! И как легко и с какими малыми расходами можно было бы произвести эту перемену! В Греции есть множество высокообразованных людей, которые прекрасно знают язык своих предков, вполне знакомы со всеми древнегреческими классиками и с радостью за умеренную плату согласились бы работать в Англии и Америке. Я не могу лучше показать, насколько знание современного греческого помогает ученику овладеть древнегреческим, чем приведу в пример такой факт: в Афинах я видел канцелярских клерков, которые, не чувствуя склонности к коммерции, оставляли банк, садились за учебу и за четыре месяца могли уже понимать Гомера и даже Фукидида.

По моему мнению, латынь следует учить не до, а после греческого.

В 1858 году я решил, что у меня достаточно денег, и пожелал уйти из коммерческой жизни. Я путешествовал по Швеции, Дании, Германии, Италии и Египту, где плывал вверх по Нилу вплоть до Второго порога. Я воспользовался возможностью выучить арабский и потом путешествовал по пустыне из Каира в Иерусалим. Я посетил Петру и объехал всю Сирию; таким образом, у меня была прекрасная возможность приобрести практическое знание арабского, более глубокое изучение которого я продолжил впоследствии в Санкт-Петербурге. Оставив Сирию, я посетил Смирну, Киклады и Афины летом 1859 года и уже собирался отплыть на остров Итаку, когда меня сразила горячка. В то же самое время я получил из Петербурга сообщение, что один купец, г-н Степан Соловьев, который разорился, будучи должным мне большую сумму денег, и с которым я договорился, что он выплатит мне эти деньги за четыре года с помощью ежегодных платежей, не только не сделал первой своей выплаты, но и подал на меня в коммерческий суд. Вследствие этого я спешно вернулся в Санкт-Петербург, и перемена климата исцелила меня от горячки; я быстро выиграл дело. Однако мой противник направил апелляцию в Сенат, где ни один процесс нельзя закончить меньше чем за три с половиной или четыре года; поскольку мое присутствие на месте было необходимо, я снова вернулся к делам, скорее против своей воли и с гораздо большим размахом, чем раньше. Мой импорт с мая по октябрь 1860 года был настолько велик, что составил сумму 500 тысяч фунтов. Кроме индиго и оливкового масла, я также в 1860 и 1861 годах занимался в основном хлопком, который дал мне большую прибыль, благодаря Гражданской войне в США и блокаде портов южан. Но когда хлопок стал слишком дорог, я оставил его и вместо этого занялся чаем, импорт которого по морю был позволен с мая 1862 года. Мой первый заказ чая к г-дам Д. Генри Шредеру и компании в Лондоне был на 30 ящиков; и когда я с выгодой продал их, я импортировал тысячу, и после 4 тысяч и 6 тысяч ящиков. Я также купил у г-на Й.Э. Гюнцбурга из Санкт-Петербурга, который решил отойти от дел, весь его запас чая по довольно низкой цене и в первые полгода заработал 7 тысяч фунтов на сделках с этим товаром. Однако когда зимою 1862/63 года в Польше разразилось восстание и евреи, пользуясь царившим там беспорядком, начали провозить огромное количество чая в Россию контрабандой, я не мог вынести такой конкуренции, поскольку я-то должен был платить большую пошлину на импорт. Таким образом, я снова ушел из чайной торговли, однако мне понадобилось много времени, чтобы продать с довольно небольшой прибылью те 6 тысяч ящиков, которые оставались у меня на руках. Однако моим основным товаром всегда оставалось индиго, поскольку этот товар я знал хорошо и г-да Джон Генри Шредер и компания в Лондоне всегда любезно предоставляли мне возможность приобрести высококачественный и дешевый товар; кроме того, я импортировал большое количество индиго прямо из Калькутты и никогда не доверял продаже индиго клеркам или слугам, как

это делали другие, но всегда стоял на складе сам и показывал и продавал товар лично и оптом торговцам индиго. Так что у меня не было причины бояться конкуренции, и мой чистый доход с этого товара составлял в среднем 10 тысяч фунтов в год с 6 процентами ренты на используемый капитал.

Небо продолжало благословлять все мои купеческие предприятия чудесным образом, так что к концу 1863 года я был владельцем состояния, о котором никогда не осмеливался даже мечтать. Однако среди всей этой бурной коммерческой деятельности я никогда не забывал о Трое или об уговоре раскопать Трою, который я заключил со своим отцом и с Минной в 1830 году. Действительно, я любил деньги – но только как средство осуществления этой великой мечты всей своей жизни. Кроме того, мне пришлось снова заняться делами против моей воли и просто для того, чтобы чем-то заняться и отвлечься, пока продолжался этот утомительный процесс с купцом, который так напал на меня. Итак, когда его апелляция была в конце концов отвергнута Сенатом и я получил от него в декабре 1863 года последнюю уплату, я начал ликвидировать мое дело. Однако перед тем, как посвятить себя целиком археологии и осуществлению мечты всей моей жизни, я захотел еще немного посмотреть мир. Так что в апреле 1864 года я отправился в Тунис, чтобы исследовать руины Карфагена, и оттуда через Египет проследовал в Индию. Я побывал на острове Цейлон, в Мадрасе, Калькутте, Бенаресе, Агре, Лакхнау, Дели, в Гималайских горах, Сингапуре и на острове Ява; два месяца провел в Китае, где я посетил Гонконг, Кантон, Амой, Фучу, Шанхай, Тяньцзинь, Пекин и Великую стену. Затем я отправился в Иокогаму и Эдо в Японии, оттуда пересек Тихий океан на небольшом английском судне и прибыл в Сан-Франциско в Калифорнии. Наше плавание продолжалось пятьдесят дней, которые я употребил на написание своей первой книги – «Китай и Япония»³⁴ (*La Chine et le Japon*). Из Сан-Франциско я, через Никарагуа, перебрался в Восточные Соединенные Штаты, пропутешествовал через большинство из них, посетил Гавану и город Мехико и весной 1866 года обосновался в Париже, чтобы изучать археологию, отныне уже без всяких перерывов, кроме небольших путешествий в Америку.

---

³⁴ *Schliemann H. La Chine et le Japon. Paris: Librairie Centrale, 1866.*

§ II. Первые посещения Итаки, Пелопоннеса и Трои: 1868, 1870

Наконец я мог осуществить мечту всей своей жизни и на досуге посетить места, где происходили те события, которые всегда так сильно интересовали меня, и страну героев, чьи приключения радовали и утешали меня в детстве. Таким образом, в апреле 1868 года я через Рим и Неаполь направился на Корфу, Кефалонию и Итаку. Я тщательно исследовал этот знаменитый остров; однако единственные раскопки, которые я произвел там, были в так называемом замке Улисса, на вершине горы Ээт. Я нашел, что характер местности на Итаке вполне согласуется с описаниями в «Одиссее», и на следующих страницах я еще опишу этот остров более подробно.

После этого я посетил Пелопоннес и, в частности, осмотрел руины Микен, где мне стало ясно, что тот пассаж Павсания³⁵, в котором описываются царские гробницы и который теперь стал таким знаменитым, неправильно интерпретировали; и, вопреки общему мнению, этот автор считал, что гробницы находятся не в нижнем городе, но в самом акрополе. Я посетил Афины и из Пирея направился в Дарданеллы, откуда я прибыл в деревню Бунарбаши на южном конце Троянской долины. Бунарбаши вместе со скалистыми вершинами за ним, которые именуются Бали-Даг, до сих пор, в *Новое время*, почти по всеобщему мнению считались местом, где располагался гомеровский Илион; думали, что источники у подножия этой деревни – те самые, о которых писал Гомер³⁶, один из которых изливал теплую, другой – холодную воду. Но вместо всего лишь двух источников я нашел их тридцать четыре, и, возможно, их сорок; место, где они находятся, турки называют Кырк-Гоз, то есть «сорок глаз»; более того, я обнаружил, что температура всех источников одинаковая – 17° Цельсия, что равняется 62,6° по Фаренгейту. Вдобавок к этому расстояние от Бунарбаши до Геллеспонта по прямой линии составляет 8 миль, в то время как все указания в «Илиаде», как кажется, доказывают, что расстояние между Илионом и Геллеспонтом было очень кратким и едва превышало 3 мили. Кроме того, было бы невозможно, чтобы Ахиллес преследовал Гектора по долине вокруг стен Трои, если бы Троя стояла на вершине Бунарбаши. Я немедленно убедился в том, что гомеровский город здесь находиться не мог. Тем не менее я хотел исследовать столь важный вопрос с помощью настоящих раскопок и нанял нескольких рабочих, чтобы выкопать ямы в сотне различных мест между сорока источниками и самой высшей точкой холма. Однако у источников, а также в Бунарбаши и в других местах я нашел только чистую девственную землю и на очень небольшой глубине наткнулся на скалу. Лишь на южном конце холма находились какие-то руины, принадлежавшие очень небольшому укреплению, которое я – вместе с ученым археологом, моим другом, г-ном Фрэнком Калвертом^{37*}, вице-консулом США в Дарданеллах, – считаю идентичным с древним городом Гергифой. Здесь покойный австрийский консул, Г. фон Хан^{38*}, производил в мае 1864 года некоторые раскопки в обществе астронома Шмидта из Афин. Оказалось, что в среднем глубина, на которую уходят эти руины, не превышает полутора футов; и фон Хан, как и я, обнаружил только фрагменты эллинской керамики невысокого качества, относящиеся к македонскому времени, и ни одного фрагмента архаической керамики. Стены этой крошечной цитадели, в которой столько светил археологии признавали стены приамовского Пергама, ошибочно называли «циклопическими».

Итак, поскольку Бунарбаши дал отрицательные результаты, я затем осмотрел все возвышенности справа и слева от Троянской долины, однако мои изыскания не принесли никаких

³⁵ Павсаний. II. 16. 4.

³⁶ II. XXII. 147—156.

^{37*} К а л в е р т Ф р э н к (1828—1908) – дипломат, археолог-любитель.

^{38*} Х а н Иоганн Георг фон (1811—1869) – путешественник, дипломат, археолог-любитель.

плодов, пока я не прибыл на место, где располагался город, именуемый у Страбона Новый Илион³⁹, который отстоит лишь на 3 мили от Геллеспонта и полностью соответствует как в этом, так и во всех прочих отношениях топографическим требованиям «Илиады». Особое мое внимание к этому месту привлекло господствующее положение и естественные укрепления холма, именовавшегося Гиссарлык, который образовывал северо-западный угол Нового Илиона и, казалось мне, отмечал место его акрополя, а также приамовский Пергам. Согласно измерениям моего друга, месье Эмиля Бюрнуфа^{40*}

---

³⁹ Или, используя его точное выражение, «нынешний Илион», Илион его времени, τὸ νῦν Ἴλιον, ἢ νῦν πόλις, τὸ σημερινὸν Ἴλιον.

^{40*} Б ю р н у ф Э м и л ь-Луи (1821—1907) – французский филолог и религиовед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.